

18+

ПАДШИЕ

Драконья погибель

Эльски Эльски Драконья погибель

<https://litres.ru/74623152>

SelfPub; 2026

Аннотация

Юный дракон Барт мечтает заслужить любовь и уважение отца. Мэйсон – оказаться как можно дальше от своего. Волею судьбы они становятся друзьями: один делится страхами, а другой пытается привыкнуть к чужой заботе. Пока Барт учится владеть драконьей силой, Мэйсон скрывает собственную. Но сдерживать себя труднее, когда рядом появляется та, из-за кого сердце стучит быстрее.

Содержание

Дисклеймер	5
Пролог	7
Часть первая	8
Глава первая. Ветер	8
Глава вторая. Незнакомцы	16
Глава третья. Урок	23
Глава четвертая. Кольцо	31
Глава пятая. Голод	37
Глава шестая. Накидка	43
Глава седьмая. Место	50
Глава восьмая. Горы	55
Глава девятая. Одежда	60
Глава десятая. Охота	67
Глава одиннадцатая. Встреча	71
Глава двенадцатая. Травы	76
Глава тринадцатая. Пояс	81
Глава четырнадцатая. Щит	85
Глава пятнадцатая. Друзья	90
Глава шестнадцатая. Прощение	94
Глава семнадцатая. Рыцарь	103
Глава восемнадцатая. Другой утес	108
Глава девятнадцатая. Сделка	113
Глава двадцатая. Принцессы	118

Ча 126

Конец ознакомительного фрагмента. 127

Драконья гибель

Дисклеймер

Дорогой читатель!

Перед тобой первая книга из цикла «Падшие» – предыстория одноименной визуальной новеллы. В ней раскрываются события, которые остались за кадром интерактивного сюжета. Это темное фэнтези, основанное на авторской мифологии, где ангелы, демоны, драконы и иные сущности являются частью вымышленного мира. Возможны пересечения с узнаваемыми религиозными, мистическими и космологическими образами, однако все они адаптированы под оригинальную Вселенную и не являются комментарием к реальным религиям, конфессиям или верующим.

Все события и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны. В книге могут встречаться описания насилия, семейных конфликтов и психологических травм. Герои могут вести себя неоднозначно, совершать жестокие поступки, следовать серой морали и произносить слова, которые не совпадают с авторской позицией.

История не содержит призывов к реальному насилию, ненависти, дискриминации или противоправным действиям. Все темы используются исключительно для художественного раскрытия характеров персонажей, особенностей мира

и основных конфликтов.

А теперь – добро пожаловать в мир «Падших»!

Пролог

— ...и сотворила Вечность Искру Жизни, — прозвучал размеренный мужской голос.

— Погоди-ка. Это же не та история, — возразил ему дерзкий мальчишеский голос.

— Как не та?

— Ты хочешь начать с того, что попроще. А надо со сложного.

Темноволосый мальчишка подошел к стеллажу с настольными играми, провел рукой вдоль коробок и вытащил одну. Обернулся к высокому светловолосому мужчине с тростью, которую тот сжимал ладонью в кожаной перчатке, и ухмыльнулся.

— «Падшие», помнишь?

— Не совсем.

— Ну, ангелы, демоны и драконы?

Мужчина задумчиво посмотрел в сторону, и мальчишка закатил глаза.

— Ты капец какой скучный, Дэз. Подвинься, — он подошел к брату и сместил его со стула, хотя рядом было свободное кресло. Затем посмотрел прямо перед собой. — Так вот, история эта началась еще давно, но я расскажу о событиях, произошедших в пятнадцатом веке...

Часть первая

Глава первая. Ветер

Небеса, 1412 год

— Отныне я понимаю некое слово, Мэсси, — Барт гордо вскинул голову с длинными рыжими волосами, глядя на старшую сестру. Она тренировалась с копьем, перепрыгивая с одного бревна на другое, и грациозно танцевала, прорезая им воздух. — Мириада!

— Это ведь самое обычное слово, братец, — сестра обернулась – ее темно-красные косички встрепенулись и опали ей на плечи, – резко остановившись на бревне и удерживая равновесие, покачивая одну ступню. — И ты давно его знаешь, — прыгнув на другое бревно, Мэсси вскинула копье, а следом – бровь. — В чем же его особенность?

Барт сдержанно улыбнулся, однако уголки губ поползли вверх, обнажая ряд зубов с острыми удлинненными клыками. Ему так хотелось похвастаться, что лицо само выдало его.

— В древности считалось, что мириада равна десяти тысячам, — увлеченно начал он, следуя за сестрой снизу и поглядывая на нее. — Теперь полагают, что это – бесчисленное множество. Представляешь?

— Что тебя так удивляет?

— Как десять тысяч превратились в бесконечность? Почему? Думаю, я вполне мог бы посчитать...

Сестра прыгнула рядом с ним и выверенным движением всадила копьё рукоятью в землю.

— Понимаешь, почему я не втыкаю копьё острием? — спросила Мэсси.

Барт качнул головой.

— Не совсем.

— Если постоянно всаживать копьё в землю, оно затупится, — сестра коснулась его виска двумя пальцами, заглянула в желто-оранжевые глаза, такие же, как у нее самой, и медленно произнесла: — Ты слишком много думаешь, братец. Считать вечность — занятие бесполезное. А вот посчитать, сколько копий затупили столь же тупые умы...

Усмехнувшись, Мэсси замолчала. Барт повторил ее мимику, затем перевел взгляд на оружие.

— Отец велит обуздать ветер, — произнес он после недолгой паузы и замолчал. Словно смеясь, налетевший порыв качнул кроны деревьев и растрепал волосы Барта, завернул его накидку и игриво вскинул косички сестры. — У меня не получается.

Он хотел признаться тихо, пока дует ветер, чтобы тот унес его стыд и отчаяние, но именно в этот миг шум прекратился, и слова прозвучали слишком громко.

— Ни у кого не получается в твои годы, — отозвалась Мэсси.

Барт тоскливо взглянул на нее исподлобья, напоминая заплутавшего олененка. Сестра улыбнулась и коснулась его подбородка, бережно сжав пальцами и чуть приподняв.

— Ты – такой же дракон, как и я, — заметив, что брат силится не сдвинуть брови, Мэсси пояснила с ухмылкой, в которую перетекла нежная улыбка: — Отец может считать меня неправильным драконом, потому что я сделала свой выбор. Я решила за себя. Я выбрала себе супруга против его слова, против слова матери и порядков. Ты волен поступать так, как хочешь сам.

Мэсси отпустила подбородок Барта.

— Если ты не обуздаешь ветер сегодня или спустя много тренировок, старшие могут разочароваться в тебе.

— Я и сам в себе разочаруюсь, — буркнул Барт.

— Но их разочарование – следствие их ожиданий. Они, как художники, рисуют картины в воображении. Их гибкий ум создает совершенное творение, доступное лишь им. Мы же – существа живые, а потому совершенными быть не можем.

— Почему? — Барт вскинул бровь и задал вопрос с таким искренним недоумением, что Мэсси рассмеялась. Ее смех напоминал резкий раскат грома.

— Потому что совершенны либо выдуманные создания, либо мертвые.

Хоть сестра и ответила ему спокойно, последние ее слова впечатлили и напугали юного дракона. Однако вопреки вол-

нению он ответил:

— Я не хочу быть выдуманным или мертвым.

Мэсси взяла его за руку и крепко сжала пальцы.

— Как и я, Огонёк.

* * *

Барт вернулся во двор через забор: ловко взобрался по нему, перекинул ногу, будто был низкорощенным — совершенно не задев штанами камень! — и спрыгнул на землю.

— Как беспечно, — он вытянулся, услышав строгий голос матери. Она произнесла это, не переводя на него взгляда таких же оранжевых глаз, как и у всех в их семействе; стирала в тазу крупное покрывало. Ее крупные рыжие косы были собраны вокруг головы и спадали вниз, однако воды не капали. Барт не успел удивиться. — Отец давно тебя ищет.

Ее слова сдавили легкие, мешая дышать и говорить. Он неловко пнул камешек, пытаясь подобрать ответ, но смог лишь встретиться взглядом с глазами матери.

— Если ты не перестанешь сбегать к сестре всякий раз, когда возникают дилеммы, не научишься жить самостоятельно, — она оставила покрывало и встряхнула руками. Вода не успела слететь до конца, испарившись из-за жара, исходящего от кожи. — Что взволновало тебя на этот раз?

— Ничего, — слишком быстро ответил он, сглотнул и едва не отвел глаза, но вовремя себя остановил.

— Отец запретил вам общаться, Бартоломью. Ты помнишь об этом. Я помню об этом. Назови хотя бы одну при-

чину, из-за которой я не скажу отцу, что ты нарушаешь его волю?

Барт очаровательно и широко улыбнулся, из-за чего удлиненные клыки царапнули губы и часть кожи под ними.

— Я люблю тебя! — сказал он так искренне, что его суровая мама рассмеялась.

— Думаешь, любовь будет вечно заставлять мое сердце таять? — спросила она, посмеиваясь.

— Да, — самоуверенно заявил Барт.

Вздохнув, она отмахнулась от него и вновь занялась покрывалом.

— Ступай. Лучше не зли отца длительным ожиданием.

— Спасибо, мама.

Барт уже начал отходить, когда услышал вдогонку спокойное наставление:

— Не избегай сложностей, сын. Иначе однажды они тебя догонят, и ты совершенно не будешь к ним готов.

Барт пошел прочь от замка, робко размышляя о том, почему его матери приходится стирать белье самой, но переживания из-за предстоящей встречи с отцом перевесили эти мысли.

* * *

Прийти к утесу оказалось легко, а вот подступить к отцу Барт так и не решился. Он стоял в лесу, прячась за деревом, и наблюдал за гордой спиной и руками, заведенными к ней. Смотрел в рыжий затылок с местами проступающей

проседей и понимал, что отец наверняка чувствует его присутствие, но из гордости или очередного урока ничего не делает и не произносит.

«Соберись, — Барт сжал и разжал кулаки, едва слышно выдохнул. — Подойди к нему. Это ведь несложно!»

Уговоры не действовали. Повлияли всплывшие в голове слова сестры о том, что совершенным он быть не может, и слова матери о том, что не стоит избегать сложностей. Сначала Барт отступил от дерева, затем, решившись, пошел к отцу. С каждым шагом его осанка выпрямлялась, а поступь становилась все тверже. Когда он встал рядом с отцом плечом к плечу, тот... продолжил молчать.

Они стояли, слушая природу: щебет птиц, журчание воды где-то внизу, шорох животных, осмелившихся подступить столь близко к хищникам, об исполинских размерах коих не подозревали. А когда дунул ветер, отец повернул голову и посмотрел сыну в глаза так цепко, что тот ощутил прикосновение когтистой лапы страха к животу.

— Время пришло, — изрек отец.

Барт перестал дышать, соображая, о чем именно говорит отец. Тот молчал, наблюдая за его попытками подобрать ответ. Когда грудь Барта стало жечь, а перед глазами все начало меркнуть, отец отвел взгляд вдаль и произнес:

— Сегодня все решится. Ты либо обуздаешь ветер, либо останешься самым жалким драконом в истории нашего рода.

Барт мелко задрожал. Сердце заколотилось, лоб и виски

вспотели. Одежда прилипла к телу.

— Я смогу! — пылко пообещал он, вместе с этим возгласом вдыхая воздух и сдерживаясь, чтобы не закашлять, ибо слюна попала не в то горло.

Отец посмотрел на него, затем — на утес.

«Давай, — говорил он ему, не размыкая губ, — прыгай».

Барт поправил накидку, словно готовился к выступлению перед подданными, и подошел к краю. Ему стоило смотреть на горизонт, где его ждало солнце, но он, как и в прошлые разы, вновь посмотрел вниз.

Там, далеко-далеко, тек ручей, чьи воды он успел возненавидеть из-за частых падений. В его короткой жизни наступил переломный момент. У драконов это называлось «раздракониванием»: когда мальчик или девочка подступали к черте, начиная обращаться в юношей и девушек, они временно теряли силу и способность обращаться в истинную форму. На освоение перевоплощения обычно уходило от двух до четырех лет, однако поскольку Барт происходил от знатного высшего рода, от него ожидали успеха в течение года. С момента его раздракониwania минуло три месяца, и это уже вызывало у отца ошутимое негодование.

«Если не получится, домой можно не возвращаться», — грустно подумал Барт, чуть тряхнул головой и взглянул на отца через плечо.

— Когда я приду после полета, ты научишь меня менять форму кончика хвоста! — он широко улыбнулся, в этот раз

не обнажая клыков. Барт понимал, когда можно явить свое обаяние, а когда стоит изобразить хотя бы намек на серьезность.

— Ты не вправе просить меня о чем-либо, пока не докажешь, что достоин, — осадил его отец.

Сглотнув ком очередной обиды, Барт подступил к самому краю утеса, выдохнул, расставил руки в стороны и... стал падать грудью вперед.

Глава вторая. Незнакомцы

«Не чеши шею, не чеши шею, не чеши...» — Мэйсон вздохнул уже после того, как ногти расцарапали бледную кожу, не привыкшую к столь долгому пребыванию на солнце.

Он шел довольно долго, не зная, сколько прошло времени, который час и куда он на самом деле идет. Во рту пересохло, живот устало урчал. Силы покинули его, вероятно, неделю назад, но он упрямо волочил ноги, желая добраться хотя бы до какого-нибудь ручья.

Вода. Вода всегда облегчала быт, делала мысли яснее, наполняла желудок, чтобы тот не отвлекал своим печальным пением.

«Ручей!» — опущенные уголки губ Мэйсона приподнялись, а глаза приобрели живой блеск.

То, что являлось обыденностью ранее, теперь казалось чудом, даром Небес. От этой мысли Мэйсону стало весело. Он нервно засмеялся, переходя на бег.

«Дар Небес, — думал он, — я ведь уже нахожусь на Небесах. Это не дар, а данность!»

Упав на колени на берегу, Мэйсон погрузил трясущиеся руки в воду и закрыл глаза, испытывая блаженство. Прохлада воды в сравнении со зноем обещала, что он протянет еще несколько бесконечных дней, лишенных смысла.

Опустившись так низко, как только мог, Мэйсон припал

губами к воде и стал пить подобно гончей: жадно, по-звериному, не сдерживая себя.

«Если так пойдет и дальше, я могу осушить ручей!» — мелькнула тревожная мысль.

Он уперся ладонями в берег, пытаясь остановиться.

— ...бесовы крылья! Раскрывайтесь же! — отчаянный детский хриловатый крик привлек внимание Мэйсона.

Он скосил глаза кверху, и в следующий миг его окатило водой. Мэйсон резко выпрямился, шумно дыша, так, словно только что тонул в этом ручье.

Ощупав себя и убедившись, что все еще жив, он всмотрелся в нечто красное.

«Бархат?» — Мэйсон приподнял бровь, исследуя существо взглядом, и наткнулся на сердитые оранжевые глаза.

По телу пробежали мурашки, на затылке все стянулось. Он увидел две ипостаси: мальчишку с длинными рыжими волосами справа и вытянутую морду твари, покрытую красно-оранжевой чешуей, слева.

— Чего смотришь? — огрызнулось нечто, переворачиваясь. Вместо левой руки у него было огромное крыло. — Жить надоело?!

Его голос звучал потусторонне, пугающе и завораживающе одновременно. Вместо дрожи Мэйсона охватило оцепенение. Он переводил взгляд с человеческого глаза на другой, со зрачком как у змеи, и никак не мог остановиться на одном из них.

— Тяжело? — спросил Мэйсон, задержав взгляд на разделенной переносице существа перед собой.

— Чего-о?! — взревело оно.

— Когда ожидания не оправдываются.

Глаза существа раскрылись так широко, как только возможно, а мгновение спустя от него повалил густой пар. Мэйсон испуганно огляделся: ручей начал испаряться.

Мэйсон отполз, насколько позволило ему его подрагивающее тело. Существо начало уменьшаться и вскоре обратилось в мальчишку. Тот поднял взгляд, заключив им Мэйсона в ловушку, и сказал с явным сожалением:

— Невероятно тяжело.

Они замолчали, рассматривая друг друга. Прежде Мэйсон не встречал никого подобного: за долю мгновения способного обратиться из странной твари в того, кто похож на него.

— Кто ты? — одновременно спросили они и снова замолчали, пристально изучая друг друга.

— Я представляюсь первым, — незнакомец поправил мокрые волосы и откинул накидку в сторону. Выглядело это забавно, ведь она, слипшись, приникла к его торсу, но он повел бровью и изобразил, что вовсе не раздражен. Мэйсон чуть прищурил глаза. — Меня зовут Бартоломью из рода Красных Драконов.

Барт посмотрел на Мэйсона свысока, с легким вызовом, но в его взгляде тот не прочел надменности или насмешки. Скорее попытку казаться, а не являться.

— Итак, как зовут тебя?

Дракон предоставил ему слово, и Мэйсон задумался. Здесь его имя ничего не значит. Ангелы редко удосуживаются запоминать имена тех, кого видят. А сам он уже ушел так далеко, что его вряд ли найдут.

— Мэйсон, — коротко обронил он.

Барт приподнял бровь.

— И все?

— Не из рода драконов, — Мэйсон едва заметно шевельнул уголками губ и отвел взгляд. Увидел свое отражение в ручье и пришел в ужас.

Болезненный вид, что был с ним долгое время, исчез. Теперь он выглядел как совершенно здоровый юноша на несколько лет старше Бартоломью. Обычно грустные голубые глаза стали ярче, кожа утратила былую бледность, а светлые волосы более не казались сухой соломой.

«Воды было слишком много», — из мыслей его вырвал голос нового знакомого:

— Значит, ты не из знатного рода, — это прозвучало снисходительно, но Мэйсон ощутил тепло, словно о нем заботились. — Моя обязанность сопроводить незнатного туда, где ему суждено покинуть наши владения.

Барт вышел из ручья и отряхнулся. Мэйсон услышал шипение и наблюдал, как от всего маленького дракона исходил пар. Затем Барт подошел к нему и положил руки на плечи. Мэйсон вздрогнул от силы, что таилась в его пока еще ма-

леньких ладонях.

— Не шевелись, — приказ был спокойным, но отдавал такой мощью, что Мэйсон не решился дернуться.

От его плеч по всему телу прошла волна тепла. На мгновение он прикрыл глаза, ощущая себя в объятиях матери, и раскрыл их, когда Барт убрал руки и стало нестерпимо холодно после волны жара.

— Теперь ты тоже сухой, — усмехнувшись и явив ему кончики клыков, Барт указал путь к тропинке, ведущей в лес. — Идем.

Мэйсон повиновался.

* * *

Они долго шли в молчании, пока не прозвучал робкий вопрос:

— Почему ты упал?

— Я не падал, — дракон ответил резко, с возмущением, но все еще сдержанно. — Я так и хотел.

— Намокнуть?

— Ты чересчур любопытный для незнатного, — Барт остановился и перегородил Мэйсону дорогу. Тот, будучи выше него на полголовы, невинно вскинул брови. — Разве не знаешь, что драконов полагает бояться?

— Почему?

Мэйсон пожалел о своем вопросе, но вернуть время назад уже не получилось бы. С Бартом ему захотелось общаться, потому что он увидел в нем свое отражение. Отчаяние, что

гложило его, обгладывало и этого дракона, и Мэйсон ощущал трепетное любопытство, из-за чего не смог устоять.

Барт молчал, рассматривая его. Мэйсон вскинул руку и ткнул пальцем тому в лицо, не касаясь кончика носа, но держа на опасно близком расстоянии.

— Я тоже умею так смотреть, — Мэйсон медленно начал хмурить брови, наблюдая такое же поведение у Барта, а потом резко свел глаза к носу, скосив их.

— Ха-ха! — смешок сорвался с губ Барта так громко, что он, прикрыв рот ладонями, заозирался. Не обнаружив поблизости никого, кто мог бы счесть его поведение недостойным, он засмеялся увереннее: — Ха-ха!

Этот смех прозвучал с таким триумфом, что Мэйсон не сдержал легкой улыбки. Опустив палец, он сказал Барту:

— Я тебя не боюсь. И не потому, что ты дракон.

— А почему?! — возмущенно, но с огромным любопытством уточнил Барт.

— Потому что ты добрый. Добрых не боятся.

Оставив Барта лишенным речи, Мэйсон повернулся к тропинке и пошел дальше по лесу. Когда между ними создалось расстояние, он слышал признание Барта:

— Я упал, потому что не смог раскрыть второе крыло.

Они поравнялись вновь, и теперь Мэйсон выступал безмолвным слушателем.

— Мне не хватило времени. Чтобы взлететь, достаточно проявить крылья и хвост. Не обязательно обращаться пол-

ностью.

«Как интересно устроены Небеса», — подумал Мэйсон.

— Если бы утес был немного выше... — сокрушался Барт, пока не замолчал и не склонил голову в унынии.

— А что, здесь не бывает утесов выше? — поинтересовался Мэйсон. Барт посмотрел на него. — Так ли нужно прыгать именно с того утеса?

Барт задумчиво отвел взгляд и долго молчал, прежде чем сказать:

— Эта мысль никогда не приходила мне на ум.

— Если я хочу бросить палку, а ее нет рядом, я просто найду другую, — добавил Мэйсон.

Они остановились, дойдя до выхода из леса. Барт указал ему направление рукой.

— Там, внизу, деревня низкорожденных, — он повернулся к нему плечом и сказал, глядя в глаза: — Лучше не возвращайся в наши владения. Если повстречаешь моего отца, можешь сгинуть.

— Как так? — растерялся Мэйсон.

— Он... — Барт перебрал слова, чтобы дать новому знакомому понять: — ...не добрый.

Глава третья. Урок

Барт вернулся домой с закатным солнцем. Шел тихо и аккуратно, стараясь не задевать камни и не шуметь дверями. Однако последние перед ним не открылись.

«Мама уже заперла замок?»

Барт нервно дернул заостренными ушами и осмотрелся. Задрал голову, прикидывая, как долго ему придется добираться до спальни.

«Это отец, — осознание придавило плечи так, что потянуло к земле, но Барт выстоял, сжав кулаки. — Настоящий дракон может добраться до окна спальни в башне любой высоты. Он способен покорить горы, пронзающие сами Небеса. Он волен войти в любую пещеру, сокрытую от любопытных глаз. И все это... не обо мне».

Раньше Барт бы расстроился, но сейчас скрипнул зубами. И не просто, а упрямо!

«Тот незнатный, Мэйсон, сказал, что я могу найти иной утес. И он прав!»

С хмурым видом Барт начал обходить замок, проверяя двери черных ходов. По одной крыше подобрался к окнам и уже обрадовался, но и те не поддались. Тогда Барт продолжил попытки, забираясь все выше. Он вспоминал, как ловко Мэсси управлялась с копьём и прыгала с бревна на бревно, и воспылал уверенностью, что тоже станет столь же провор-

ным. Тихо посмеялся над собой, зная, что мужчины-драконы всегда крепче и тяжеловеснее, и если он будет ловок, значит, останется худ, а худым ему никак нельзя оставаться.

«Как иначе Мэсси с гордостью расскажет потомству о своем великом брате?» — воодушевившись мечтами о будущем, Барт лез дальше, пока под ногой не хрустнул камень, а следом не обвалилось и еще несколько.

Барт успел лишь широко раскрыть глаза и ухватиться за карниз окна. Пальцы соскользнули сей же миг. Из разомкнувшихся губ выпорхнул изумленный вздох, а следом принц повис и закрутился. Любимый плащ обвивался вокруг шеи, затягиваясь точно канат, натирая кожу и похищая дыхание.

Цепляясь за жизнь, Барт стискивал плащ пальцами, держа последнюю возможность вдохнуть и не давая удавке затянуться окончательно. Уже теряя сознание и вслушиваясь в собственные испуганные сипы, Барт ощутил мощный налетевший вихрь и закрыл глаза, проваливаясь в темноту.

* * *

Барт с трудом открыл глаза. Он увидел ноги отца, расхаживающие в отдалении спокойной поступью. Шевельнул рукой, невольно нащупав траву.

«Отец... спас меня?»

Барт моргнул, и ноги оказались ближе. Рука схватила за накидку и резко потянула, заставив подняться. Шея и горло болели, дышалось тяжело и сипло. Барт едва успел коснуться

поврежденной кожи, как услышал звон от удара по щеке, а затем почувствовал и саму его мощь — хвост отца махнул с такой силой, что у него невольно вырвалось: «Ох!»

— Сыновнюю благодарность должно выражать иным способом! — голос отца едва слышно поднялся, и Барт удивленно распахнул глаза, глядя на него.

Отец злился. Такое происходило редко, а на памяти Барта и вовсе единожды: когда Мэсси сообщила, что отказывается выходить замуж за дракона, выбранного ей отцом, и привела своего жениха. Тогда влюбленным пришлось бежать, а все ковровые дорожки в замке сгорели в яростном пламени.

— Что ты пытался доказать своим поступком? — отец сверкнул оранжевыми глазами, его ноздри раздулись и сузились. Лицо обрело непроницаемое выражение. — Впрочем, неважно. Я должен преподать тебе урок.

— Па...

Барт протянул руку, но его слова оборвались, в глазах замер ужас. Огромная драконья пасть, раззявившись, ринулась на него. Барт заверещал от страха, и его детский с хрипотцой крик перетек в вопль драконьего детеныша. Отец остановился, глядя на его истинную форму, а затем снова ринулся в атаку.

Барт помчался прочь, уклоняясь и разминая крылья, пытаясь взлететь, но от страха и дрожи в теле проваливая все попытки. Отец настиг его, впился клыками в бока и повалил на землю. Барт сопротивлялся, разрывая кожу на морде от-

да клыками, пытался укусить и извернуться, но тот сжимал все сильнее. Затем вскинул голову, оторвав сына от земли и явив тому небо.

На мгновение Барт ощутил надежду, что отец отпустит его, позволит размять крылья, но тот швырнул его обратно и прижал лапой, сдавливая грудь и живот.

«Еще раз ты попытаешься уйти из жизни раньше срока, отведенного Судьбой, я сам убью тебя, — прорычал беспощадный голос отца в его голове. Драконы могли общаться лишь мысленно, ведь они не могли говорить так же, как в человеческой форме. — Более не разочаровывай меня, змеёныш».

Барт ничего не ответил, лежа на спине, поджимая хвост и лапы и прикрываясь ими. Когда отец отступил и, взмахнув крыльями, улетел, Барт еще долго не шевелился, всматриваясь в небо.

Позже сквозь тишину он различил поступь матери и обратился в человека. В обычного мальчишку, истекающего кровью по всему торсу, с расцарапанными руками и спиной.

— Я предупреждала, — коротко бросила мать. Они пересеклись взглядами. Он умолял пожалеть его, она же выражала отстраненность. — Ты это заслужил, Бартоломью. Обработай раны сам, чтобы прочувствовать урок до конца.

Она ушла, оставив его, и Барт сильно прикусил губу и нахмурился, сдерживая нахлынувшие чувства. Он с трудом поднялся и едва слышно охкнул, ощущая, как каждая рана

на пока еще слабом теле словно раскрылась заново. Доковылял до дверей в замок, что теперь приоткрылись, на последнем издыхании поднялся в свою комнату и едва не рухнул на кровать, придерживая живот предплечьем.

«Сначала нужно... сделать перевязку», — его сознание плавало от боли, а в груди пылала обида.

Барт шмыгнул носом, не позволяя слезам стечь, и принялся раздеваться. Как назло, накидка не поддавалась, и он потратил последние силы на то, чтобы с гневом разорвать петлю, в которой держалась застежка.

— Дурацкий плащ! — тихо крикнул он, бросив его на пол, и занялся обмыванием ран, тихо поскуливая от боли.

* * *

У него ушло много времени, чтобы дотянуться до самых отдаленных мест на теле. Был бы он сильнее, а его крылья — гибче, он смог бы смазать все без трудностей, однако сейчас понимал, что слаб, и это расстраивало его еще сильнее. Барт сидел на кровати, прижавшись спиной к холодной каменной стене и обхватив колени руками. Перевязка села криво, ноги давили на раны, но Барт упрямо прижимался лбом к коленям и не издавал ни звука, пытаясь сосредоточиться на чем-то отдаленном, чтобы не уделять внимания вспышкам боли.

После тихого стука дверь скрипнула. Барт остался недвижим. Тогда шаги приблизились, а кровать чуть примялась. Он ощутил запах леса, легкого дыма и цветов. Приоткрыл глаза. Мэсси протянула к нему руки, и Барт, с силой прику-

сив губу, расплакался, подавшись к ней в объятия. Прижимаясь к ее плечу щекой и упершись макушкой в ее челюсть, он рыдал, не издавая звуков. Слезы были тихими и печальными, от ярости не осталось и следа. Мэсси поглаживала его по волосам и то сжимала, то разжимала пальцы на плече, давая понять, что она рядом и никуда не уйдет, пока ему не станет легче.

Спустя время, когда печаль осталась лишь саднящим напоминанием в его сердце, Мэсси спросила:

— Почему отец так разозлился?

Барт ответил не сразу, собираясь с силами, чтобы выдать тихое признание:

— Он решил, что я захотел уйти из жизни.

— Почему он так решил?

— Мама заперла все двери и окна, я пытался подняться в спальню, но камень обвалился и... и...

— Дыши, Огонёк.

Мэсси приоткрыла рот и звуками напомнила ему, как это делать. Барт повторил за ней.

— Я упал, накидка за что-то зацепилась. И душила меня.

Мэсси тяжело вздохнула.

— Узнаю отца, — произнесла она с горькой иронией. — Он ненавидит пугаться.

— Пугаться? — Барт скривился. — Посмотри, что он со мной сделал! — его глаза полыхнули злостью, стали ярче, словно пламя, в которое бросили сухое полено.

Мэсси приложила ладонь к его щеке. На его разгоряченной коже она казалась прохладной.

— Он сделал это с тобой потому, что хотел, чтобы ты почувствовал боль. Через боль ощутил себя живым. И больше не думал об уходе из жизни.

— Так я и не думал! — возмутился Барт, хмурясь.

— Я знаю, — сестра тепло ему улыбнулась, и он слегка расслабился. — Но отец решил иначе. Гордись собой, Барт. Ты вывел отца из равновесия.

— И с чего бы мне этим гордиться? — недовольно буркнул Барт, отстранившись и отвернувшись. — Теперь он еще больше уверился, что я жалкий.

— Он может считать что угодно, но своим поступком он показал иное. Он бесконечно тебя любит.

— Вот уж не думал, что услышу подобное от тебя, — съязвил Барт, явив сестре ядовитую ухмылку.

— Ты его еще не разочаровал настолько, чтобы он попытался выжечь твое имя из Списка Рода Драконов, — Мэсси взъерошила брату волосы. — У всех есть свои слабости. У нашего отца величайшая слабость — мы с тобой.

— Напомни мне никогда не заводить детей, — с вызовом и смешливостью сказал Барт. — Я буду как ты: свободным и с тем, кого люблю.

Взгляд Мэсси слегка потускнел, а уверенность угасла, и Барт ощутил, что сказал что-то лишнее.

— Мэс?.. — осторожно и негромко позвал он.

— Да, Огонёк. Будешь свободным, — сестра улыбнулась ему, впервые через силу, погладила по голове и встала. — Я пойду, пока отец не вернулся, иначе он разнесет замок.

Барт собирался извиниться, но дверь закрылась раньше, чем он произнес что-либо. Он остался на месте, пытаясь осознать, чем именно задел Мэсси.

Глава четвертая. Кольцо

Хоть Барт и привел его к краю леса, откуда виднелась деревня, Мэйсон туда вовсе не собирался. Не так давно он покинул ее пределы и теперь стоял, размышляя, как быть дальше. Живот заурчал. Мэйсон поджал губы, сглотнул голодную слюну и прижал к себе руку, пытаясь подавить неприятные звуки.

— От тебя я подобного слышать не должен, — Мэйсон вздрогнул так, что вся кожа покрылась мурашками и побелела.

Он испуганно огляделся, тяжело дыша, но выдохнул и прикрыл глаза, осознав, что это лишь игра его воображения. Тот, от кого он бежал, точно его не найдет.

«Барт говорил не возвращаться в их владения, но здесь... — Мэйсон придержал мысль, боясь, что его услышат. Осмотрелся, прислушался. Убедившись, что никого нет, все же осторожно додумал: — ...не достанут».

И хоть он верил, что за ним никого не отправили, осторожность еще не подводила его, кроме совсем безвыходных положений. Тревожно пожевав нижнюю губу, Мэйсон развернулся и пошел вглубь леса. Когда все избегали угрозы, он направлялся к ее самому сердцу, поскольку она могла стать для него спасением. Спасением от чего-то куда более страшного.

Понемногу его шаги стали медленнее. Рот мучила жажда, а живот слипался, но длительное голодание для него являлось привычным делом. Мэйсон шел, размышляя об облаках на небе, о причудливых формах, что они принимали под его чутким воображением.

— Что ты здесь делаешь, мальчик?

Строгий женский голос заставил его вздрогнуть. Мэйсон обернулся слишком резко и нервозно, хоть и пытался сохранить спокойствие. Сначала он увидел ярко-оранжевые глаза, затем ее темно-красные косы, сплетенные так причудливо, что перехватило дыхание. Незнакомка ступала уверенно и тяжело, но замороженный Мэйсон видел в ее походке грациозность.

— Заблудился? — остановившись напротив него, она су-рово сдвинула брови, глядя сверху. Мэйсон моргнул, не придумав ответа, и продолжил смотреть. Усмехнувшись, девушка скрестила руки на груди. — Я тебя не укушу. Ты слишком тощий.

Сердце кольнуло так странно и непривычно, что и без того потерянный Мэйсон растерялся. Когда ему говорили о внешнем виде, а обычно это делал отец, он чувствовал подавленность и беспомощную ярость. Но сейчас, когда это сказала девушка, он ощутил странное удовлетворение.

— А если бы не был тощим, укусила бы? — поинтересовался он с дерзостью, которую проявлял весьма редко.

Незнакомка вскинула бровь.

— Ты бы пришелся мне на зубок.

Мэйсон поджал губы, испытывая нарастающий интерес.

— Почему? — все же уточнил он.

— Потому что я — крупный дракон, — она оскалилась в ухмылке, являя острые клыки.

«Съешь меня», — замороженно подумал Мэйсон, невольно сглотив. Испугавшись собственных мыслей, он качнул головой.

— Да, — рассеянно бросил он.

— Что «да»?

— Я заблудился.

Незнакомка вскинула руку, и Мэйсон проследил взглядом от ее плеча до локтя, от локтя до запястья и оттуда до указательного пальца. Все в девушке так манило его, даже ее изящные легкие кожаные доспехи. Там, где он рос, женщины доставались его отцу. Иногда Мэйсон поглядывал на его спутниц, но стыдливо отводил глаза, зная: ему подобное недозволительно. А сейчас он пожелал иного... и его взгляду предстало обручальное кольцо на пальце незнакомки.

Мэйсон захотел забыть об увиденном или спутать его значение, однако уже стало поздно. Он осознал, что она принадлежит кому-то другому. Иному счастливцу. Что-то в нем надломилось так же легко, как тонкая ветка в сильных руках. Все, чего он желал, ему запрещалось. Даже здесь он оказался вопреки. Разочарование легло на языке горьким привкусом.

— Тебе туда. Иди прямо по тропе, выйдешь к деревне, не

перепутаешь, — незнакомка коснулась его плеча. — Ты уже достаточно взрослый, чтобы справиться с чем-то настолько простым.

Улыбнувшись, она убрала руку и пошла в лес. Мэйсон смотрел ей вслед, пока она не скрылась, а после приложил ладонь к груди. Ноющее тепло разрасталось все больше.

«Она не стала спрашивать меня, она в меня верит», — осознал Мэйсон, и эта мысль приподняла уголки его губ.

Когда шум природы вокруг стал слишком надоедливym, он очнулся. Девушка ушла, велев ему ступать в деревню. Упрямо выдохнув, Мэйсон пошел туда, где она скрылась некоторое время назад. В памяти настойчиво виднелось кольцо на ее пальце, сменяющееся ее красивыми глазами и улыбкой. О, эта улыбка!.. Всякий раз сердце Мэйсона вздрагивало, как поначалу и он сам. Казалось, что теперь угроза Барта его жестоким отцом не имела для Мэйсона никакого смысла.

Он шел за девушкой, ощущая тонкий аромат, исходящий от нее даже спустя столько времени после ухода. Живот урчал сильнее, распаляя голод. Мэйсон перешел на бег из последних сил, пока не оказался на обширной поляне. Он узнал направление, увидев неподалеку измельчавший ручей.

«Говорят, драконы благородные. Если я... если я попрошу их о защите, они помогут мне?» — Мэйсон остановился и склонился, чувствуя, что от ускоренного биения сердца вот-вот упадет без сил.

Так и произошло. Трава приняла его в объятия, и Мэйсон прикрыл глаза, сжимая пальцами землю.

Среди снов он слышал обрывки своих мыслей: «...она тоже дракон...», «драконы могут защитить...»

— Ух-х! — очнувшись, Мэйсон резко сел и приложил ладони к голове, пытаясь унять вращение мира перед глазами.

Голодные обмороки и перегрев на солнце, а также волнение сделали его уязвимым перед жестокой природой. Но ее жестокость была для него сродни легкой щекотке перышком.

Собравшись, он отполз в тень и прислонился спиной к дереву. Журчание ручья успокаивало слух, и Мэйсон прикрыл веки, наслаждаясь прохладой. Ветер поигрывал с его спутавшимися волосами.

«Сколько уже дней? — рассеянно подумал Мэйсон, открыл глаза и поднял руку. Стал загибать пальцы, затем проделал то же на второй. — Много... Они не должны меня найти. Если только не отыщут где-нибудь бесов», — он тут же усмехнулся из-за своей мысли, ведь с Небес бесов давно изгнали, если верить историческим летописям.

Мэйсон посмотрел вдаль, и ему почудился облик незнакомки с кольцом. Он ощутил ее прикосновение к плечу, словно наяву, и закрыл глаза.

«Если бы она знала, кто я... Сняла бы свое кольцо?» — его мысли сплелись с неосуществимой мечтой, гарцуя на грани полусна.

Отчаянно цепляясь за жизнь, Мэйсон не заметил, сколь

близко очутилась смерть.

Глава пятая. Голод

Когда Мэйсон открыл глаза, его встретила темнота.

«Я умер?» — подумал он... и улыбнулся. Устало, отмутившись, в ожидании подступающего спокойствия.

Но чужое дыхание заставило его насторожиться. Тьма, что поглотила его, создавалась искусственно — на его глазах лежала непроницаемая повязка, холодящая кожу. Мэйсон услышал, как приближаются шаги, и попытался замереть в прежней позе.

— Ты улыбнулся, — оглушил глубокий мужской и немного резкий голос. — И дышишь быстрее. Можешь не притворяться.

Мэйсон сглотнул, не зная, чего ожидать от невидимого врага. По голосу ему представлялся кто-то крупный и властный.

— Ничего не болит?

Мэйсон напрягся. Ответит, проявит слабование, не ответит — неуважение. И здесь, и в далеком месте, что для всех, кроме него, называлось домом, от него ждали если не подчинения, то соблюдения определенных правил. И он выбрал не создавать себе врагов.

— Все хорошо.

— Сейчас я сниму повязку, и ты медленно откроешь глаза.

— Почему? — тихо поинтересовался Мэйсон.

— Почему я сниму повязку или почему ты медленно откроешь глаза?

— Глаза.

— Потому что я дал тебе отдохнуть посреди дня, а сейчас еще довольно светло. Поднимешь веки резко, будет больно.

— Хорошо.

Мэйсон зажмурился. Повязку убрали. Он постепенно раскрыл глаза и сразу же бегло осмотрелся: из окна пробивались солнечные лучи, раздвинутые шторы позволяли рассмотреть окружение; сам он лежал в широкой кровати.

Рядом с ним на стуле сидел высокий мужчина. Его черные волосы спускались на плечи и ниже, а желтые глаза со змеиными зрачками следили за ним.

«Дракон», — осознал Мэйсон, на мгновение испытав жгучий страх. Незнакомка, которую он повстречал в лесу, тоже смотрела на него подобными очами.

— Не стану докучать тебе вопросами о прошлом, — мужчина подался вперед, и Мэйсон вжался в кровать, стискивая одеяло, словно эта тонкая ткань могла его защитить. — Меня зовут Зил. Как зовут тебя?

Мэйсон подавил желание горько рассмеяться. За день уже второй дракон интересовался его именем.

— Мэйсон.

— У тебя истощение, Мэйсон, — Зил сказал это между делом, словно они пили воду, прервавшись после долгой

хотьбы. — Иными словами, ты голодаешь уже довольно давно. Даже во сне твой желудок просит его наполнить.

Мэйсон прикусил нижнюю губу изнутри до боли, ощущая себя преданным своим же телом.

«Я ведь уже пил из ручья, как он понял?...» — встревоженно размышлял он, рассматривая вазу в углу, стоящую за спиной Зила.

— Вот как мы поступим, Мэйсон. Я принесу тебе миску супа, и ты поешь.

Мэйсон напрягся еще сильнее, стиснув зубы, но не сдвинулся с места.

— Постепенно силы к тебе вернутся, и все будет хорошо, — дракон сдержанно улыбнулся, но его удлиненные клыки все же выступили над нижней губой.

«Все будет хорошо», — эхом отозвались его слова в голове Мэйсона.

Пересилив себя, он кивнул, плавно садясь на кровати и прислоняясь спиной к подушке. Осмотрев его еще раз, Зил взял что-то сбоку и поднялся, опираясь на это.

«Костыль», — понял Мэйсон, и ему вдруг стало стыдно от этого знания. Словно он увидел секрет, не предназначенный для его глаз.

Однако дракон повернулся, не заметив его смятения, и покинул комнату. Мэйсон же резво выбрался из кровати. Раскрыл окно, пока силы и ясность ума были при нем, и стал перелезать через его подоконник. Сердце колотилось

так, будто он выкрал что-то ценное, и его в любой миг могли поймать.

Сев в проеме и перекинув одну ногу, Мэйсон обернулся на дверь, но она все еще была заперта. Беззвучно выдохнув, он повернулся, подаваясь вперед, и его глаза широко раскрылись.

— Ты! — то ли удивленно, то ли забавляясь воскликнула та самая незнакомка.

Мэйсон успел лишь шумно втянуть воздух, прежде чем его тело перевесило, и он перевалился за окно, смачно разрыхлив клумбу собственным носом.

Боль растеклась по лицу вместе со жгучим смущением. Он выставил себя посмешищем перед драконицей, при виде которой у него от волнения скручивало живот. Сглотнув отчаяние и отринув желание подскочить и кинуться в лес, Мэйсон уперся ладонями в землю и встал на четвереньки.

— У тебя все хорошо?

Он вскинул голову, ожидая увидеть девушку наверху, но вместо этого встретил ее лицо неожиданно близко. Она склонилась к нему, сев на корточки, и теперь смотрела глаза в глаза. Мэйсон покраснел еще гуще, а незнакомка, улыбнувшись, коснулась его щек ладонями и большими пальцами смахнула землю с его кожи.

— Так-так, таинственный мальчик, которого я направила в деревню, — ее голос из игривого перетек в слегка угрожающий, но полностью игривости не утратил. — Что же ты де-

лаешь в моем доме?

— Твоем доме? — глупо переспросил Мэйсон.

Его взгляд скользнул на ее отдаляющуюся руку, тут же вновь очертив кольцо, и снова устремился на ее лицо.

— Это мой выходец, — услышал он голос Зила позади. Девушка посмотрела поверх головы Мэйсона. — Видимо, я произвел ужасное первое впечатление, и он решил сбежать.

Девушка усмехнулась, а потом, поднимаясь и отряхивая ладони друг о друга, и вовсе рассмеялась. Взглянув на Мэйсона и протянув ему крепкую сильную руку, она произнесла:

— Не бойся моего супруга, мальчик. Вот он уж точно тебя не покусает.

Берясь за ее руку и медленно вставая, Мэйсон ощущал, как за мгновение, что он выпрямляется, пролетают все его надежды на внимание драконицы к нему. С самым несчастным видом из всех возможных он уточнил севшим голосом:

— Потому что и ему я буду на зубок?

— Ха-ха, нет, — ее задорный смех напомнил ему кого-то другого, но Мэйсон не смог сосредоточиться из-за печали. — Мой муж – самый миролюбивый дракон из всех, кого я встречала.

Она говорила о Зиле с таким трепетом и гордостью, что Мэйсону стало завидно. Всего на мгновение он позволил себе подумать, что хотел бы оказаться на месте этого желтоглазого дракона, пусть и хромым на правую ногу.

— Суп ждет, Мэйсон, — позвал Зил.

Мэйсон рассеянно кивнул, совершенно не различив слов и не осознав их смысла.

— Мэйсон, значит? — незнакомка хлопнула его по плечу так крепко, что он раскрыл глаза и посмотрел на нее. — А я – Мэсси.

И если ранее музыкой для его слуха являлась тишина, теперь ею стало одно короткое имя.

Глава шестая. Накидка

С утром утихла и холодная ярость. Боль еще расходилась по телу при шевелении, но куда страшнее Барту отзывалась пустота в душе. Он посмотрел на накидку, что порвал в порыве гнева, и подобрал ее.

«Как беспечно, — подумал Барт голосом матери. — Бесценный подарок подран на лоскуты».

На мгновение его охватил стыд, а затем накрыло уверенностью: он все исправит. Навыками шитья он, как и другие драконы из знатных родов, владел превосходно, и посему бережно залатал порванные части накидки и повесил ее на стул. Долго рассматривал, проворачивая иглу между пальцами в металлических наперстках, а позже поднялся и медленно оделся, скрывая перевязанный торс. Убрал иглу с нитями, снял наперстки и перебросил накидку через предплечье. Снова смотрел на нее, пока не нахмурился, решившись.

Покинул покои, спустился, миновав трапезную, и отправился во двор. В отдалении стояло несколько соломенных чучел, на которых он тренировал самые разные навыки: от фехтования до стрельбы, от точной атаки когтем до метания огненных шаров. Последнее подзабылось из-за раздракования.

Дойдя до чучела, Барт, гордо вскинув голову, встряхнул накидку, обвел ее вокруг соломенной шеи и повязал. Удо-

влетворенно кивнув самому себе, он развернулся и направился в трапезную.

— Ты опоздал, — спокойно заметила мать.

— Приношу свои извинения, — отстраненно ответил Барт, занимая место за столом.

Расстояние между ними казалось колоссальным. Драконы редко ели за столом, как люди, поэтому отца не беспокоило то, что они с матерью сидели в одном конце стола, а дети — в другом. Однако и Барта это совершенно не смущало. Осмотрев предложенные столовые приборы и яства, он увидел солонку в центре и с видом, свойственным маленькому принцу, произнес:

— Барашку не достаёт соли.

И пока слуги мельтешили сбоку, извиняясь и кланяясь, кланяясь и извиняясь, осторожно подсаживая ему еду, пока он не попробует и не вынесет вердикт, мать не произнесла ни слова. Барт хмурился, наблюдая за тем, как она спокойно ест, используя вилку и нож.

— Хочу вина, — грозно заявил он.

— Вина ты не получишь, — отозвалась мать. Встретившись с его взглядом, она взяла кубок и медленно отпила, не отводя глаз.

— Почему? — совершенно искренне возмутился Барт.

— Ты не можешь обратиться в дракона по собственной воле. Думаю, это одна из немногих причин, чтобы не позволять тебе пить.

— А какая вторая? — дразнясь, Барт повел бровью и игриво обнажил клыки.

— Ты еще слишком мал, — смягчившись, ответила мать.

Он едва не улыбнулся еще шире, зная, что все еще способен влиять на нее, как любимый сын.

— Однажды ты будешь гордиться мною и сама нальешь вина в кубок, — пообещал Барт.

Мать улыбнулась ему тепло, но с едва уловимой грустью в глазах и уголках губ.

— Я горжусь тобою уже сейчас, мой мальчик, — произнесла она, протерла губы тканевой салфеткой и, скрипнув массивным креслом, вышла из-за стола, позднее покинув замок.

Барт остался на месте, растерянный и не понимающий: стоит ему радоваться словам матери или же в них таится очередной урок мудрости?

* * *

Барт так много раз стоял на утесе, с которого прыгнул вчера, что вид с него ему опостылел. Он больше не смотрел вниз, теперь видел лишь горизонт, однако сердце этот вид никак не трогал.

«А что, здесь не бывает утесов выше? — вспомнил Барт слова Мэйсона и недовольно повел бровью. Взглянул вниз, но не на ручей где-то вдали, а на свои ноги, и сел на край, свесив их с него. — Обязательно прыгать именно с того утеса?»

Слова низкорожденного не покидали его ум. Барт чувствовал, что вот-вот совершит открытие, однако не позволял себе его сделать. Намеренно устанавливал барьер.

«Отец меня не любит, что бы ни говорила Мэсси... — от одной мысли задор в его взгляде угас, сменившись грустью. — Я — недостойный потомок его рода. Я его позор. Нет никакой нужды искать другой утес».

Разочарование кольнуло в сердце так сильно, что Барт поджал губы, пытаясь не дать подбородку дрожать, а в уголках глаз вновь стало влажно. Тело напомнило о вчерашнем жестоком уроке, и Барт съежился. Боль разошлась сильнее, но он не изменил положения, словно наказывая себя за инаковость.

Занимаясь мысленным самобичеванием, Барт не услышал, как к нему подошли.

— Поднимайся.

Вздрагнув от резко прозвучавшего отцовского голоса, Барт подскочил и, споткнувшись о собственные ступни, пошатнулся. Его глаза округлились, руки взмахнули, словно крылья. Отец протянул руку и поймал его за шиворот. Несколько камешков улетело с утеса, а он сам с колотящимся сердцем отступил, ведомый крепкими пальцами.

Едва они отошли туда, где было не упасть, Барт нахмурился и исподлобья посмотрел на отца. Тот выглядел непривычно задумчивым, а его взгляд словно устремлялся сквозь него.

— Накидка... — изрек отец.

— Я от нее избавился, — выпалил Барт, скрещивая руки на груди.

— Накидка, — уже осознаннее повторил отец, ясно на него взглянув. Барт притих, но ни хмурых бровей, ни оборонительной позы не изменил. — Почему ты висел на ней?

— Ха, — Барт презрительно фыркнул и невольно вжал голову в плечи, ожидая удара хвостом или лапой, но их не последовало. Тогда, выпрямившись и гордо вскинув голову, Барт продолжил: — Только это интересует тебя, отец? Почему я висел на накидке?

Отец кивнул, и Барта прорвало негодованием:

— Я не висел на накидке! Я упал! А она зацепилась!

Его хрипловатый из-за едва начавшейся ломки голос звенел, наполненный болью и желанием быть услышанным.

— Я бы никогда!.. Это же ты мне ее подарил!

К глазам подступили слезы ярости. Барт стиснул кулаки и впился клыками в губы, пытаясь утешить душу, задетую безразличием. Он слышал тяжелый вздох, а затем почувствовал то, чего, как он думал, давно лишился, — объятия отца: крепкие, теплые и обещающие защиту.

— Я благодарен Создателю за то, что он позволил мне почувствовать недоброе, — тихо сказал отец, поглаживая сына по голове. Из-за его большой ладони Барт ощутил умиротворение и обнял отца, прижимаясь к нему и закрывая глаза. — Я скажу это лишь раз, Бартоломею, и более повторять

не буду.

Барт напряг слух и перестал дышать, внимая.

— Ты способен обуздать ветер как никто другой. И ты никогда не будешь самым жалким драконом в истории нашего рода.

Распахнув глаза, Барт отстранился, не разрывая объятий, и посмотрел на отца, ожидая, что тот шутит. Но отец не шутил, глядя на него серьезно и с раскаянием.

— Ты должен понять одно, сын. Мир жесток, и он не будет ждать, пока ты окажешься готов обратиться в дракона. И уж лучше ты станешь ненавидеть меня и овладеешь искусством обращения вновь, чем попадешь к тем, кто желает тебе зла.

Барт слушал отца, словно тот, как в детстве, рассказывал ему самую интересную историю о приключениях молодости.

— А теперь идем.

Отстранив сына, отец пошел к замку. Барт поспешил следом, пребывая в радостном расположении духа. Когда они дошли до соломенных чучел, ему мгновенно стало стыдно, и он потянулся к накидке, но отец жестом приказал ему этого не делать.

Он снял накидку с чучела и повернулся к сыну, бережно надел на него и застегнул застежку. Проведя ладонями по плечам Барта, чтобы разгладить ткань, он едва заметно улыбнулся.

— Гордость — то, что у нас отнять не могут. Но также гордость проявляется и в том, как мы выглядим, — усмех-

нувшись, отец непривычно шутивым тоном добавил: — Уж этому мне тебя учить не надо?

Барт усмехнулся, обнажая клыки и сдвигая брови.

— Не волнуйся, отец, я буду носить эту накидку с таким же величием, как знамя нашего рода.

Коротко погладив сына по волосам, отец удовлетворенно кивнул и пошел прочь. Барт не последовал за ним, провожая взглядом в спину, но чувствовал безмерную благодарность к тому, кто еще вчера вызывал в нем первобытный страх.

Глава седьмая. Место

Они приняли его как равного, и это настораживало Мэйсона куда больше, чем отцовская жестокость — она стала предсказуемой... в отличие от доброты едва знакомых ему существ.

Драконы.

Он много слышал о них, прародителях всего его рода. Те, без кого ни его, ни братьев не существовало бы. Демонические божества. Он представлял, что они способны закрыть своей сущностью весь небосвод, поглотить сами Небеса вместе с солнцем. Исполинские, внушающие страх, вынуждающие поклоняться и прислуживать.

На деле они оказались пугающе близки к нему самому. А еще сильнее Мэйсона волновала их свобода. Они могли пойти, куда хотят, делать, что хотят, говорить, улыбаться и смеяться в любой миг своей вечной жизни. Зил и Мэсси заботились друг о друге: Мэйсон украдкой наблюдал, как она мягко касалась плеча мужа, как тот наклонял голову, провожая ее взглядом, совершенно влюбленным и не опускающимся до пошлого обглаживания.

Мэйсон пытался не смотреть, но у него не выходило. Быт драконов, пустивших его в свою трапезную, казался ему и далеким, и близким, и он не мог понять, как относится к этому.

— Суп, — он вздрогнул, моргнув, и сначала посмотрел в тару, затем — на руку, подавшую ее. Исподлобья покосился на Зила, глядящего на него спокойно и уверенно. — Ты ведь знаешь, что это такое, Мэйсон?

— Да, — рассеянно бросил тот, отвернувшись и всматриваясь в полупрозрачную поверхность. Первым он всегда замечал не еду или питье, а свое отражение, и всякий раз оно казалось ему безобразным.

— Еда поможет набраться сил.

Мэйсон задумчиво потянул руку к ложке, но плавно перехватил запястье пальцами и увел вниз, зажав меж колен. Осознание пришло к нему только сейчас. *Суп*. Мэйсон поджал губы, силясь сдержать приступ тошноты.

— Болит кожа? — уточнил Зил.

— Нет.

— Тебе не нужно будет платить за еду в этом доме.

— Почему? — Мэйсон покосился на него с недоумением и интересом.

— Я ведь не зверь, чтобы брать плату с того, кто недавно был при смерти.

— Ты дракон, — заметила внезапно появившаяся Мэсси, заставив Мэйсона вздрогнуть и вытянуться. Она поймала его взгляд и ухмыльнулась. — Но мы — мирные драконы, пока меня не разозлят. Так что не зли меня, Мэйсон, и все с тобой будет хорошо.

Она не угрожала и не играла с ним, лишь сказала правду,

занимая свое место за столом.

Мэйсон вскинул брови, наблюдая, как Зил и Мэсси взяли за ложки и приступили к еде. Они не произнесли ни молитв, ни долгих речей. Они делали это в молчаливом согласии. Впечатлившись увиденным, Мэйсон осторожно коснулся ложки. На его лбу выступила испарина. Нахмурившись, он колебался.

«Нельзя, чтобы они заметили, — тревожно оглядев драконов, Мэйсон медлил. — Но если я себя не заставлю, точно увидят», — он постарался подавить болезненные воспоминания и взялся за края тары.

Поднес ее к лицу и медленно втянул запах. Птица, легкий аромат вареной кожицы, местных трав и грибов. Он рассмотрел морковь и репу, на мгновение ослабив бдительность, и улыбнулся. На Небесах кормили тем же, чем кормили под ними. Быт везде оказался один.

Слюни наполнили рот. Предвкушение сытости заставляло губы приоткрываться. Трясущимися руками Мэйсон поднес тару и отхлебнул маленький, даже крошечный глоток. Капельку.

Язык смел ее, проглотив, и по телу прошла дрожь. Голод усилился. Мэйсон стиснул тару. Он не ел так давно, что память отчаянно пыталась стереть любые вкусы, но добродушные драконы поставили перед умирающим от жажды целое спасительное озеро.

По вискам Мэйсона потек пот. Тело разогревалось, за-

ставляя и без того изношенную и испачканную одежду липнуть к телу. Зил переодел его в рубаху, но к столу в трапезную Мэйсон вышел в своих обносах. В них он чувствовал себя хотя бы немного защищенным, и даже стыд перед хозяевами не мог побороть страх, который он испытал, оказавшись в ином наряде.

Рот жадно приоткрылся, и Мэйсон почти сделал полноценный глоток, но вовремя одернул себя и опустил тару, едва не расплескав суп за ее края.

Он ощутил на себе взгляды драконов и, посмотрев сначала на Зила, потом, чуть дольше, на Мэсси, поднялся и поспешил покинуть трапезную. Он ринулся по коридору ко входной двери, дотронулся до ручки, раскрыл ее. Свежий воздух, налетевший с ветром, растрепал ему волосы, погладил прохладой кожу. Мэйсон замер, вдыхая аромат деревьев, трав, далеких гор, чьи верхушки возвышались вдалеке за лесом. Взглянул на крупные косматые облака, затянувшие небо. Оглянулся через плечо и увидел, что никто не бросился за ним в погоню. Грудь сдавила боль, а к глазам подступили слезы.

«Это и есть... свобода? — подумал он, садясь на порог и чувствуя, как тело наливается тяжестью. — Я так устал...»

Упершись локтями в согнутые колени, Мэйсон выдохнул и прижал подбородок к костяшкам пальцев.

— Возвращайся, когда сможешь, — услышал он голос Мэсси, осторожно долетевший в спину. — Зил подогреет

для тебя суп.

Она не подошла к нему, чтобы успокоить, лишь сказала две безобидные фразы, но именно они прорвали дамбу, которую Мэйсон так давно выстраивал, и едва он сомкнул ресницы, слезы покатились по его щекам. То были слезы облегчения. Наконец он обрел место, откуда не нужно бежать. Место, где никто не тронет его против его воли.

Глава восьмая. Горы

— Я отправляюсь в горы, мама, — сообщил Барт, идя по двору. Остановился и повернулся к ней, подбоченившись и гордо вскинув голову. — Мы с отцом пришли к пониманию.

— Какие чудесные новости, — она взглянула на него и улыбнулась, отчего мгновенно заулыбался и Барт. — Ты снова ребячишься, Бартоломью.

— Мне ведь всего двенадцать лет! Могу я побыть мальчишкой рядом с тобой? — он состроил глазки, а мама негромко, пусть и сдержанно, засмеялась.

— Мой очаровательный глупыш, — она очертила ладонью его скулу и убрала руку. Ее прикосновения всегда были приятной короткой неожиданностью. — И для чего же ты пойдешь в горы?

— Я должен познать себя, — перестав улыбаться, заявил Барт. — Если я хочу побороть раздракование, я должен все о себе знать.

— Какое интересное предположение. Как же ты к нему пришел?

— После разговора с отцом я понял, что многое, что доставляло мне радость год назад, отныне удовольствия не приносит, — начал рассуждать Барт. — Я даже порвал застежку у накидки, о чем мгновенно пожалел, но я зашил ее, — он покосился на мать и, заметив ее легкий кивок, продол-

жил: — Я более не одиннадцатилетний дракон. Я — двенадцатилетний. А это уже достаточный срок для того, чтобы побыть с собой наедине и найти ответы на самые важные вопросы.

Мать подняла крупный таз с влажным бельем и понесла его, словно пушинку. Барт пошел следом. Он уже почти решился спросить мать о том, почему она стирает белье сама, когда она вдруг удивила его вопросом:

— Когда будешь размышлять над самыми важными вопросами, подумай еще и о своей невесте.

— Невесте? — Барт приоткрыл рот и споткнулся о собственную ногу, едва не упав носом в землю.

Мама остановилась и посмотрела на него, приподняв брови.

— Я... я думал, что у меня нет права даже размышлять о подобном... — неожиданно растерявшись, Барт отвернулся от матери и стал поправлять длинные волосы и накидку.

— Твой отец хочет, чтобы ты женился через два года, — Барт ощутил холодок по телу от ее слов, но мать не угрожала и не принуждала его, лишь сообщала о неотвратимом. — Драконов осталось мало, а знатный род, подобный нашему, всего один. У его главы есть три дочери. Одна твоя ровесница, остальные — старше, однако все еще девы.

Барт ощутил, как кончики носа и ушей пульсируют от смущения. Он знал некие подробности о размножении и производстве потомства, но отказывался представлять это в

своем воображении, опасаясь последствий фантазии.

— Мама... А это обязательно?

— Что?

— Жениться... — он жалостливо вскинул брови. — ...через два года... — поджал губу и закончил мысль как можно тише: — ...именно на драконицах из знатного рода?

— Ты не можешь поступить иначе, — ответ матери прозвучал холодно и ощутился как пощечина, что не обжигает болью, но непременно станет напоминать о себе. — Это твой прямой долг, Бартоломыю. Если ты его не исполнишь, однажды все демоны-драконы исчезнут.

Его охватил ужас, а шею сдавила ответственность, коей он еще не ощущал за свою недолгую жизнь.

— Если один из семьи совершает ошибку, другому придется ее исправить. Такова цена проявления воли.

Барт молчал, слушая наставления матери и чувствуя тяжесть, что давила на плечи. Сестру он не винил, зная, что всегда найдет утешение в ее объятиях, даже если им будет далеко за несколько сотен лет.

— Хорошо, — Барт явил матери совершенно спокойный лик. — Я исполню свое предназначение. Род драконов на мне не прекратится.

— Это неожиданный, однако приятный момент, Бартоломыю, — она улыбнулась ему, обнажив удлиненные клыки. — Моя гордость тобой теперь стала еще сильнее, — мама коснулась его плеча и сжала. Прикосновение продлилось три

удара сердца. — Ступай. Горы ждут тебя, мой мудрый сын.

Барт сдержанно улыбнулся и попрощался с матерью полупоклоном. Затем покинул двор, скрывая настоящее волнение под маской сосредоточенности.

* * *

Путь в горы для дракона весьма короткий, но для дракона, который позабыл, как раскрыть крылья...

«...чудовищно длинный, — Барт невесело усмехнулся собственным мыслям. — И откуда взялось это слово „чудовищно“? Или „чудовище“?..»

Поглощенный размышлениями, он брел по тропе, ведущей в лес. Еду и воду с собой не взял, чтобы выжить своими силами. Еще в нем выиграла самоуверенность юной особи, обрастающей плотной чешуёй, но Барт упорно считал, что уже давно миновал этап детских забот.

До пещеры в горах он добрался, когда солнце опустилось за горизонт, а на небо вошла луна, насмешливо подсвечивая ему путь. Уставший, голодный и раздраженный на самого себя за то, что не додумался взять хотя бы небольшой мешочек вяленого мяса и флягу с водой, Барт всмотрелся в пасть пещеры, зияющую темнотой.

«Ничего не вижу, — посетовал он самому себе и вздохнул. Здесь он не боялся этого делать, поскольку никто из семьи его не видел и не слышал. — А вот обернулся бы драконом, увидел бы».

Присев у края пещеры и прислонившись спиной к камню,

Барт посмотрел вниз, поверх крон деревьев, на поблескивающие воды озера. Древнее, наполненное особой магией, оно пугало его и завораживало. Отец предостерегал держаться подальше. Существовало поверье, что если дракон погрузится в это озеро, останется в нем пленником, который будет все осознавать, а выбраться не сможет. Время для него замрет, но для мира вокруг продолжит течь.

«Наверняка это все страшилки Старших, — решил Барт, уловив раздражение в мыслях. — Чем может быть опасна вода? Лишь тем, что намочит крылья и хвост, станет сложнее взлететь. А так... это всего лишь вода, как и во многих других источниках».

Барт прикрыл глаза и широко, но беззвучно зевнул.

«Посплю немного и продолжу искать место, где смогу познать себя», — подумал он, погружаясь в мир снов.

Глава девятая. Одежда

К еде его не принуждали, однако Мэйсон замечал внимательные взгляды Зила. Они отражали его беспокойство как лекаря, не более того, и Мэйсон отметил, что для Зила манеры — нечто столь же естественное, как и дыхание. С каждым мгновением, проведенным вблизи драконов, он убеждался: все, что писали об их благородстве, уме и проницательности, правда. И это означало лишь одно: рано или поздно ему придется их покинуть. В излишнем внимании к его персоне он не нуждался.

— Быть может, пока тебе сложно довериться нашему дому и моей руке, — произнес Зил, когда Мэйсон вернулся за стол. Они с Мэсси уже доели, и стол пустовал, а она сама покинула дом, отправившись по делам. — Позволь мне хотя бы постирать твою одежду.

— Постирать? — Мэйсон вскинул брови и сжал пальцы на руках, с недоумением глядя на дракона.

— Представь, я умею стирать, — добродушно усмехнулся Зил. — После я просушу твою одежду так быстро, что ты сможешь надеть ее сразу же после того, как помоешься.

— Помоюсь? — во взгляде Мэйсона мелькнул ужас, скрывшийся за показным отвращением.

— В нашем с Мэсси доме есть определенные правила.

«Правила, — грустно подумал Мэйсон, — однажды они

должны были коснуться и меня».

— Они довольно просты. Столь же, сколь выпить воду из стакана. Уважай чистоту дома и следи за обувью, чтобы не разносить грязь. Мой руки, чтобы не заболеть. И уделяй внимание гигиене, в особенности одежде, нижнему и постельному белью.

Мэйсон озадаченно моргнул, затем еще раз.

— Только это? — уточнил он.

— Интересно узнать, что ты ожидал услышать?

Мэйсон отвел взгляд, размышляя и подбирая ответ, как ключ к сложному замку.

— Не знаю, — тихо признался он, не глядя на Зила. — Вы слишком добры ко мне.

— Доброта не бывает излишней, — произнес дракон, поднимаясь со стула. — Идем, я покажу тебе место, где мы совершаем омовения.

* * *

Пока они шли, Мэйсон молчал, размышляя над словами Зила. *«Доброта не бывает излишней»*. Он подумал, что в его окружении доброта являлась излишней всегда. Всякий раз, стоило кому-либо ее проявить, этот кто-то исчезал. Последним доказательством оставался он, но где он сейчас? На Небесах, вдалеке от дома, потерянный, пребывающий в вечном страхе перед собственной судьбой.

— Здесь, — всего одно слово Зила оглушило его, словно удар палкой по голове, на которой вместо шлема надета

кастриюля. — Никто не нарушит твоего уединения. Лес закрывает спину, дом создает ширму сбоку, — опираясь на костыль, дракон взялся за простыню на веревке и подвинул ее вширь. — Бельем можно прикрыться. Однако не забывай предупреждать.

— Почему? — Мэйсон поджал губы.

С Зилом вопросы превращались в нечто глупое, над чем он не думал и произносил сразу же, как мысли посещали ум.

— Что именно «почему», Мэйсон?

— Почему я не должен забывать предупреждать? Я покину ваш дом уже скоро.

Зил усмехнулся. Мэйсон приподнял бровь. Один смотрел с высоты роста, но не свысока, другой — с полным непониманием, слегка приподняв голову.

— Ты еще юн и слаб. Нет нужды менять кров, что защитит от враждебности ночи, на бесцельные скитания.

— А если у скитаний есть цель? — не сдавался Мэйсон.

Он ощущал, как понемногу набирается уверенности, разговаривая с Зилом. Задавая ему короткие вопросы, он нашел в себе смелость спросить о чем-то более личном.

— Я видел глаза многих. Драконов, демонов и ангелов. Они отражают помыслы души. В твоих глазах я не вижу помыслов, — дракон присмотрелся к нему, вызвав приток легкого страха в животе Мэйсона. — В твоих глазах я вижу одиночество.

Мэйсон мгновенно опустил взгляд и голову, чтобы воло-

сы прикрыли лицо. Однако стало уже поздно, Зил увидел его слабость и раскровил душу, едва покрывшуюся тонкой корочкой безразличия к собственной участи.

— Я не одинок, — тихо произнес Мэйсон в сторону, словно пытаюсь убедить в этом в первую очередь себя.

— Ты не одинок, — подтвердил дракон, удивив его. — Отныне у тебя есть я и Мэсси. У тебя есть место для уединения, кров, пища и, что важнее всего, — ладонь Зила едва коснулась его плеча. — ...у тебя есть ты сам.

Мэйсон растерянно посмотрел на него, ища ответы в желтых мудрых глазах, но увидел в них улыбку, что обезоружило его еще больше.

— Когда ты хочешь заняться омовением? — вопрос Зила озадачил Мэйсона.

— Когда?.. — эхом отозвался он и замолчал, теряясь в мыслях, которые путались, словно шипы в терновнике.

— Вечером станет прохладно и налетят насекомые. Облака закрывают солнце. Ты можешь помыться сейчас, а я в это время постираю твою одежду.

— Я сам ее постираю, — щеки Мэйсона покраснели.

— От сменной рубахи ты отказался.

— Она не моя. Я... — занервничав, Мэйсон принялся чесать левое запястье изнутри. — Одежда должна быть моей.

— Боишься, что я возьму плату? — уточнил Зил. Мэйсон покачал головой. — Ты — гость в моем доме и тот, над кем я беру опеку. Мои крылья раскрыты, чтобы защитить тебя.

Лучшая плата, которую ты можешь мне дать, — поправиться.

— Я здоров, — возразил Мэйсон, чувствуя благодарный трепет, разливающийся по телу.

За несколько коротких фраз дракон, малознакомый ему, сказал столько приятных слов, что Мэйсону очень хотелось верить в каждое из них. Однако жизнь научила его подозревать близких, ведь именно они ранят больше любого другого.

— Ты полагаешь, что здоров, — поправил его Зил, и в его голосе прозвучала властность, которая подчеркивала: в этом вопросе с ним лучше не спорить. — Я вижу иную картину. Худого бледного юношу с потеющими ладонями, — Мэйсон вытянул руки по швам, невольно потер их о штаны и завел за спину. — ...взвалившего на себя слишком много.

Мэйсон кинул на Зила острый взгляд и задержал его. Дракон выдержал его спокойно, не злясь и не пытаясь провоцировать. Тогда Мэйсон смягчился. Привыкший к сопротивлению и давлению, он слегка расправил плечи.

— Я помоюсь сейчас, — ответил он.

Зил сдержанно улыбнулся.

— К моменту, как ты закончишь, я вернусь с сухой одеждой и помогу высушиться уже тебе.

Мэйсон осмотрелся. Не увидев Мэсси или кого-либо еще, он взялся за фиолетовый пояс из грубой веревки и развязал его. Рубаха повисла вдоль его тела нескладным мешком. Исподлобья покосившись на Зила, он выпрямился и стянул

с себя рубаху, протянул дракону. Тот принял ее, накиннув на плечо. Жест позабавил Мэйсона, и он с трудом сдержал улыбку.

После того, как он испил из ручья, он выглядел, как и должен выглядеть юноша, постепенно превращающийся в мужчину. Вместо истощенного тела он обрел плотность костей и мышц, слегка вытянулся и впечатление нездорового не производил. По крайней мере для тех, кто либо не разглядывал его, либо не имел отношения к лекарскому делу.

Не получив язвительных комментариев к своей внешности, Мэйсон ощутил, как вместе со штанами снимает с себя тяжесть притворства. Зил предусмотрительно отвернулся, и Мэйсон передал ему оставшуюся одежду с исподним.

— Наслаждайся временем, что проведешь в омовении, — сказал Зил и ушел, оставив Мэйсона рядом с бочкой, в которой плавал крупный ковш.

* * *

Мэйсон начал с волос. Они выглядели слегка спутанными, однако после того, как он их помыл, заиграли истинным золотом под проглянувшими из-за туч лучами солнца.

Освобождаясь от грязи, Мэйсон чувствовал себя живым, и это впервые приносило ему радость. В месте, что должно зваться домом, он не испытывал недостатка в еде, одежде и воде; его волосы лежали аккуратно и не походили на спутанную солому, однако быть живым в том месте означало, что каждый день придется вести борьбу. И, что самое страшное,

неизвестно, ради какой цели на самом деле.

Закончив, Мэйсон провел пальцами по волосам, заводя их глубже и касаясь головы. Прикрыл глаза, впервые за долгое время не ощущая напряжения и страха. Прикосновение собственных пальцев казалось чужеродным и в то же время дарящим блаженство.

«Если бы я был драконом, какого цвета была бы моя чешуя? — вдруг подумал Мэйсон и усмехнулся. — Глупые мысли».

И все же он решил, что чешуя наверняка была бы золотой, прямо как и его волосы.

Глава десятая. Охота

Едва рассвело, Барт раскрыл глаза и присмотрелся к горизонту. Тело затекло, поэтому, когда он начал подниматься, мышцы заныли, требуя более бережного обращения. Потерев поясницу, Барт поморщился, задев клыками губы. Кожа под ними зачесалась, и он, перекосив лицо, кончиком клыка почесал место под губой.

— Чем я занимаюсь? — недовольно пробормотал Барт, и его желудок заурчал. — Нужно поймать оленя.

Мысль об охоте воодушевила. Не потому, что ему нравилось загонять дичь или лишать живых существ жизни, а потому, что так он мог потренировать свою истинную форму. Порой ангелы и невежественные демоны удивлялись, почему драконы не существуют во всем своем величии каждый день. Ответ звучал крайне просто: в истинном облики их не прокормить.

В древности, когда в мире Небес обитали только демоны-драконы, они же первозданные божества, как предполагалось в летописях, животные были во много раз крупнее. Доподлинно неизвестно, вымерли они или их съели, а о разведении задумались позже.

Иногда Барт задавался подобными вопросами, интересуясь у книг в библиотеке замка, в коей стояли тысячи разных томов, всегда ли драконы умели обращаться в простую фор-

му, или же им пришлось научиться. Чутье подсказывало, что пришлось учиться, но подтвердить это он ничем не мог, поскольку никто не записал. Либо, он допускал мысль, записи уничтожили, чтобы не подвергать сомнению превосходство драконов. И понимал, почему: если в далеких-далеких корнях божества-драконы не имели разума, значит, их можно поработить. А допускать этого было никак нельзя.

Спустившись с гор, Барт подошел к озеру. Совершенно обычное, чистое, природное.

«И почему отец так его опасается? И мама. И даже Мэсси, — размышлял Барт, испытывая крайнюю степень любопытства. — Я лишь умою в нем лицо».

Подступив к берегу, он присел на корточки и погрузил в воду палец. Отдернул, прислушался к себе. Ничего не случилось. Тогда он опустил ладонь и подержал ее. Вновь ничего не произошло.

«Вероятно, меня отпугивали малышом, чтобы не утопился», — решил Барт, сполоснул ладони и помыл лицо.

Кожи мгновенно коснулась бодрость. Улыбнувшись, Барт поднялся и потряхнул головой. Вопреки ожиданиям отца, матери и других драконов, он не любил убивать даже дичь. Но делал это, когда приходилось показать, что он — достойный наследник своего рода. После первого убитого оленя Барт проплакал в своей комнате до самой ночи, с трудом выдержав притворную гордость за столом, когда слуги подали жареное мясо. Отец гордился им, гордилась и мать, Мэсси

одобрила стойкость его духа, а Барт, позже рыдая в своих покоях, вспоминал страх, что замер в глазах животного за мгновение до гибели.

Судьба учила его: выживает сильнейший. Барт спрашивал ее в мыслях, почему, чтобы выжить, он должен отнять чужую, не менее ценную жизнь? Редким ответом порой служило напоминание – урчание желудка, как и сейчас.

Однако теперь на его плечах лежала иная ответственность. За себя в этом недолгом паломничестве, за старшую сестру, чтобы она оставалась счастливой рядом с Зилом, за ласку матери, что, быть может, станет чаще гладить его по голове, и за гордость отца, чей сын исполнит долг и оправдает надежды.

«Тот парнишка, Мэйсон, — идя по лесу, вспомнил Барт. — Интересно, кто он и как живет в той деревне?»

Его вдруг охватило любопытство. Каково это – быть низкородженным? Насколько свободнее он станет? Сложно ли добыть еду? И почему Мэйсон оказался один в лесу? Последний вопрос волновал его сильнее прочих.

«Вероятно, он заблудился», — решил Барт, чтобы не терзать себя мыслями и не отвлекаться от поимки оленя.

В выслеживании юный дракон преуспевал с малых лет. Когда Мэсси играла с ним в прятки, он находил ее благодаря чутью. Сейчас оно притупилось из-за раздраконивания, однако Барт уже не только знал азы следопытства, но и имел богатый опыт. Отец часто брал его на охоту, поручая найти

лучший сытный «обед» или «ужин», и ему пришлось обучиться, дабы не разочаровать.

Спустя время Барт затаился за деревом, наблюдая за несколькими мирно пасущимися оленями. Его глаза в тени листьев казались ярче, напоминая пламя, готовое разгореться. Барт сжал и разжал пальцы, потянулся к кинжалу в силу привычки, но передумал.

«Если обращусь, точно легко поймаю добычу. Нужно лишь вновь ощутить ветер», — Барт закрыл глаза.

Его брови постепенно хмурились, сдвигая кожу на переносице. Подул ветер. Барт дернул остроконечным ухом. Распахнул глаза, хватаясь за кинжал, и резко развернулся.

Перед ним метнулась светлая молния. Барт невольно выдохнул, когда рот раскрылся — его прижали к стволу дерева предплечьем к шее. Он рассмотрел голубые глаза со змеиными зрачками и услышал тихое и грозное:

— Здесь охочусь я.

Глава одиннадцатая. Встреча

Барт ослабился, обнажая клыки. Мальчишка напротив тоже ослабился. Они зашипели почти одновременно, проверяя друг друга на устойчивость. Враг, вдруг хмыкнув, отвел руку, а Барт потерял шею, недовольно глядя на него.

— В самом разгаре раздракониwania. Понимаю, — произнес наглец. Барт вскинул бровь, изобразив пренебрежительное недоумение. Мальчишка прыснул. — Повезло, что ты попался мне. А попался бы отцу, он бы с тебя шкуру за своих оленей спустил.

— Полагаю, раз ты наследник владельца этих земель, тебе стоит представиться должным образом, — сдержанно заявил Барт.

— А ты всегда в лесу титул носишь? — светлые, почти белые брови соперника насмешливо взметнулись. — Смотри, если ты наступишь в болото, оно не спросит у тебя, из какого ты рода. Оно просто тебя засосет.

— А я не наступлю в болото, — возразил Барт.

— Ну это же метафора, — мальчишка закатил глаза, затем посмотрел на него и дерзко улыбнулся. Барт скользнул взглядом ниже, чтобы оценить его одежду и выявить принадлежность к роду. Увидел кожаный корсет поверх темно-синей бархатной кофты. Нахмурился. — Манерам ты явно обучен, но весьма плохо.

Медленно моргнув, Барт резко вернул взгляд к лицу дракона и наконец разглядел смягченные, в отличие от мальчишеских, черты. Однако выглядела она столь дерзко и свободно, что даже ее косы с распущенными длинными волосами сзади, перехваченные веревками, а не привычными атласными лентами, не помогли ему распознать в незнакомце юную драконицу.

— Впервые? — спросила она.

— Что? — растерялся Барт.

— С девочкой в лесу сталкиваешься, — она прикусила губу острым клыком, а потом засмеялась так свободно, что Барт растерялся еще сильнее. — Ты такой очаровательный. Меня зовут Вэри. А тебя как?

— Я – Барт.

Он запнулся на собственном имени и замолчал. Тишина начинала вгонять в неловкость, посему он упрямо взглянул Вэри в глаза, словно так и должно было быть. Они оба знали, что по этикету должны назвать свой драконий род. И оба безмолвно договорились этого не делать.

— А ты почему без раздракования? — спросил он, ощутив, что напряжение спало.

— Я сейчас в нем.

— Но твои глаза?..

— Вспомни, каково это, видеть в темноте.

— Помню...

— Днем глаза болят.

Она не жаловалась, усмехалась и все еще смотрела на него с вызовом. Из-за уверенности, исходящей от нее, Барт на короткий миг почувствовал себя жалким. Такие, как Вэри, способны вести за собой войска, вдохновлять и влюблять. Ее аура обещала светлое будущее, полное удачных решений, вечной преданности супруга и крепкое потомство. Барт не заметил, как от жалости к себе перешел к восхищению ее фигурой – не телом, а силой воли и духа.

— Итак, тебе придется заплатить мне дань, — заявила Вэри.

— Какую дань? Я подобен тебе, — Барт вскинул подбородок, пытаясь казаться значимее и выше.

— Сходство дает лишь внешнее, в сердцах мы совершенно различны, — в его манере ответила она. Усмехнулась. Прикрыла глаз. И сделала нечто невообразимое... Показала язык! — Ты смешной, Барт.

Он оторопел, не понимая, как себя вести и что ответить на подобную ребячливость.

— Дань. Я говорила о дани, — Вэри поставила кулак на вытянутую ладонь в предупреждающем жесте. — Я позволю тебе здесь поохотиться. Но только в одном случае.

— И каком же?

— Если мы будем охотиться вместе.

— Для чего?

— Забавы ради.

Ее беспечность в отношении охоты задела Барта. Он за-

молчал, оттягивая ответ. Вэри ждала. Он ощущал ее давление даже тогда, когда ее лицо выглядело расслабленно, а взгляд не выражал ничего, кроме азарта.

— Охота — это не забава. Звери лишаются жизни... — начал Барт.

— ...чтобы мы ее не лишились. Это круговорот природы, — закончила Вэри совсем в иную сторону. — Мне будет весело соревноваться с тобой. Убивать животных мне не нравится. Но ты ведь не жалеешь случайно раздавленное насекомое?

— Жалею, — буркнул Барт.

— В таком случае ты зря тратишь драгоценные мгновения. За них ты мог бы придумать план, чем заняться, но ты выбираешь думать о том, кого больше не существует.

Барт нахмурился, обдумывая ее слова. И они показались ему неожиданным откровением.

— Так что, Барт, — глаза Вэри сверкнули. — Хватит ли у тебя смелости бросить мне вызов и поймать оленя?

— Я хочу предложить иное развлечение, — Барт поправил пояс и подступил ближе к драконице. — Давай оставим оленей и вернем себе истинные формы.

— Интересно, — Вэри подмигнула ему, отчего Барт, выбитый из самообладания, пораженно раскрыл глаза, и добавила: — Давай. Хочу видеть, как выглядит юный дракон. И посмотреть, какого цвета твоя чешуя.

Не успел Барт моргнуть, как она промчалась мимо, задев

его плечо своим и тем самым дав знак: пора!

Глава двенадцатая. Травы

Некоторое время спустя

Поначалу Мэйсон вел себя с Мэсси и Зилом осторожно. Хозяин дома пытался его накормить, но Мэйсон упрямо отказывался, разве что теперь не сбегал из-за стола. В один из вечеров Зил решил поговорить с юношей тет-а-тет, пока Мэсси собирала чистое белье в корзину.

Внимание Мэйсона приковали колышущиеся шторы на окнах. Он подпирал подбородок, глядя на крадущуюся к дому темноту, но на самом деле слушал, как теплый ветер доносит легкие хлопки ткани — Мэсси встряхивала простыни, расправляя, и только после складывала. Из-под ее ловких рук и греющих огнем дракона пальцев белье всегда выходило отглаженным.

— Мэйсон, — позвал Зил.

— Что? — не оборачиваясь, ответил тот.

— Почему ты голодаешь?

Мэйсон на мгновение опустил взгляд, не желая отвечать. Его природа могла оказаться не менее сложной, чем у драконов, но ставить себя выше них он себе не позволял. Опустив руку на стол и повернувшись к Зилу, Мэйсон посмотрел ему в глаза и ответил спокойно и негромко:

— Я болен.

— Ты истощен.

— Истощение... моя болезнь.

Зил чуть сузил глаза. Мэйсон ощутил, как дракон выискивает признаки лжи на его лице.

— Твоя болезнь — здесь, — Зил коснулся своего виска. — Прощлое способно отнять настоящее. Пока ты вспоминаешь боль или то, сколь плохо тебе было, ты не живешь.

Ему стоило бы промолчать. Внимать словам мудрого наставника с видом потерянного грустного мальчишки. Однако за то недолгое время, что он провел с драконами, Мэйсон стал доверять Зилу. Открываться ему, как старшему брату, но с той разницей, что тому не было дела до его судьбы, а дракону — было.

— А если я... боюсь? — осторожно, но смелее обычного уточнил Мэйсон.

— Чего боишься?

— Жить.

— Отчего?

— Моя... — он ненадолго замялся. — Моя болезнь, она...

Он услышал легкий звон дверного колокольчика, и его внимание рассеялось. Мэйсон повернулся к окну, за которым промелькнули красноватые косы Мэсси.

— Твоя болезнь?... — Зил попытался вернуть Мэйсона к разговору, но тот утратил момент доверительной близости.

Откровение ускользнуло, а с появлением Мэсси в дверном проеме, пусть и на несколько мгновений, и вовсе показалось Мэйсону непозволительным.

— Просто однажды я умру, — спокойно ответил он, глядя на Зила.

— Но если ты умрешь, значит, до того момента будешь жить, — парировал дракон, легко обернув ответ против него.

* * *

Всю ночь Мэйсон лежал, рассматривая потолок. Ему предоставили комнату, где помещались только кровать, стул и небольшой письменный стол. Из незапертого окна тянуло ночным воздухом, а лунный свет падал на подоконник.

Мэйсон закинул руку на лоб и закрыл глаза. В тишине и темноте он слышал тихие шаги. Босые ноги прошли по поскрипывающим половицам. Это Мэсси, он узнал ее по тяжести поступи. Если у Зила к шагам добавлялся легкий перестук костыля, то она, стараясь не шуметь, все равно наступала сильнее.

Мэйсон убрал руку и прислушался. Тихие звуки возни с посудой доносились из трапезной. Он поднялся и подошел к двери, чтобы закрыть ее и не соблазняться странными мыслями. Но стоило ему потянуть ручку, как в голове щелкнуло: можно сослаться на голод. Попросить ее подогреть суп.

Прикусив губу, он колебался между «не стоит» и «это всего лишь невинный жест». Мэйсон подумал о Зиле, который тоже может встать и обнаружить их со своей женой за столом.

«Я не сделаю ничего дурного», — решил Мэйсон и вышел из комнаты.

Он старался идти тише, чтобы не привлечь внимания Мэсси и не смущать ее. Подойдя к распахнутой двери, он осторожно выглянул из-за нее. Силуэт девушки в лунном свете показался ему чем-то волшебным: охваченная легкой светлой дымкой, в ночном платье, с распущенными волосами Мэсси измельчала травы в деревянную кружку.

Мэйсон перестал дышать, пораженный ее красотой, которую не каждому следовало видеть. В том числе не стоило видеть и ему. Когда она поднесла кружку к губам и сглотнула, сглотнул и он, и это стало его ошибкой. Живот заурчал, требуя покормить его как подобает.

Вздвогнув, Мэйсон вытянулся и спрятался за дверью, прижав руку к животу. Услышал, как Мэсси выдохнула, допив.

— Уже год прошел, а я все не привыкну к этой гадости, — недовольно пробормотала она, кашлянула и, оставив кружку, направилась к выходу из трапезной.

Сердце Мэйсона застучало сильнее, и он задержал дыхание: сейчас Мэсси либо закроет дверь и увидит его, либо ему повезет.

Шаги прозвучали так близко, что, показалось, оглушили на несколько мгновений. Мэсси вышла в коридор и повернула. Погруженная в мысли, она прошла мимо, не заметив его и обдав запахом трав.

Только когда дверь в их с Зилом спальню притворилась, Мэйсон смог выдохнуть. Он хотел вернуться в свою комнату,

но решил посмотреть, из чего Мэсси делала настойку. Рядом с кружкой остался оборванный корень. Мэйсон поднес его к носу и втянул горький аромат. Чуть сощурился, чувствуя, как запах щекочет ноздри.

«Это же... — от осознания он нахмурился. — Эти травы используют, когда не удастся продолжить род», — Мэйсон невольно скривился, вспоминая, как учитель алхимии заставлял его жевать корень и смаковать горечь до самого конца.

Корень мог работать как на женщин, так и на мужчин, повышая влечение. На Мэйсоне его проверяли ради того, чтобы выяснить, способен ли он познать алхимию. После этого он весь день ощущал себя плохо, а учитель сообщил отцу, что Мэйсон еще слишком мал для иных воздействий ингредиента.

Он положил корень на место и сел на стул, глядя на пустой стол посреди ночи. Еще на одну тайну в его голове стало больше. Радовало ли его это? Определенно нет. Но...

Мэйсон покосился на корень и кружку, вспоминая слова Мэсси о гадости.

«Может... — на мгновение он оборвал дерзкую мысль, испугавшись, что начал ее обдумывать. — Может, ей не эти травы нужны? Они же самые простые».

Морщины, на миг пролегли на его переносице, разгладились, а в голове стало ясно как никогда: он поможет Мэсси понести дитя, сделав лучшее зелье.

Глава тринадцатая. Пояс

Мэйсон уходил из дома и брал с собой небольшую суму, в которой носил лоскут легкой ткани. На ней делал пометки, постепенно вырисовывая карту местности и отмечая, где растут травы. Если на Небесах пили тот же корень, что и под землей, наверняка другие алхимические ингредиенты тоже можно было найти.

Однажды Мэсси остановила его, коснувшись плеча сзади, едва он переступил порог. Мэйсон обернулся.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказала она, пристально глядя на него.

— Что? — растерялся и напрягся Мэйсон.

«Почему для меня? Она что-то узнала? О нет», — над губой и на лбу выступила испарина. Он замер, готовый в любой миг сорваться и спрятаться в лесу.

Понаблюдав, как он замялся, Мэсси усмехнулась и махнула рукой, призывая ступать за ней. Сглотнув, Мэйсон последовал вглубь дома. Она зашла в их с мужем спальню, а Мэйсон остался снаружи.

— Вот, — Мэсси протянула ему аккуратно сложенную одежду. — Надень это.

Мэйсон осторожно взял подарок.

— Я уже ухожу, может...

— Надень сейчас. Будет удобнее.

Если Зилу он мог возразить, то отказать Мэсси не решился. Робко кивнув, Мэйсон зашел в свою комнату, прикрыл дверь и выдохнул, прижавшись к ней спиной. Ткань приятно холодила пальцы. Он разложил элементы одежды на кровати и оценил их взглядом: легкая темная туника без рукавов, светлая рубаха с коротким рукавом и темные штаны. Присмотревшись, он увидел небольшую веревку, предназначенную, по его предположению, для волос.

Рассматривая подарок, Мэйсон улыбнулся. Впервые за долгое время искренне и без желания скорее спрятать настоящие чувства.

«Мэсси дала мне одежду...» — его щекам стало жарко.

Мэйсон коснулся пояса, и уголки губ медленно опустились. Если переодеваться, то быстро, иначе... иначе его природа возьмет верх, и тогда плохо станет не только ему.

Он покосился на дверь и, убедившись, что она закрыта, глубоко вдохнул. Сосредоточившись, ослабил пояс так, чтобы он еще держал рубаху, стянул ботинки и штаны; надел новые. Ткань скользнула по телу, приятно охлаждая кожу. Собравшись, Мэйсон стянул пояс, сбросил рубаху на пол и торопливо влез в новую. Обвязал себя и затянул потуже, живот даже не успел заурчать. Смахнув пот со лба, Мэйсон накинул жилетку и выдохнул, прикрыв глаза.

«Все хорошо. Ничего не случилось, — он взял веревку и начал привычно стягивать волосы, но постепенно руки остановились. — Если затяну слишком аккуратно, они могут по-

нять... Нужно иначе».

Взлохматив локоны и придав им неряшливый вид, Мэйсон небрежно собрал их в низкий хвост и туго обвязал веревкой. Убрав свою одежду, подошел к двери и взялся за ручку. Вдохнул, выдохнул и вышел.

Мэсси осмотрела его с головы до ног и обратно.

— Теперь ты больше похож на местного, — она улыбнулась, и Мэйсон залюбовался ее лицом. — Если кто-то спросит, откуда ты, говори про меня или Зила. Все поймут, что тебя лучше не трогать.

Мэйсон кивнул. Мэсси жестом указала ему, что путь свободен. Он прошел мимо, покосившись на нее, и поспешил покинуть дом. Всякий раз, уходя в лес, Мэйсон хотел обернуться, чтобы еще раз посмотреть на Мэсси. И чем дольше он жил с драконами, тем тяжелее становилось противиться этому желанию.

* * *

Он помнил свою маму. Ее теплые руки, нежные объятия, низкий грудной голос и улыбку, из-за которой он улыбался и сам. Она говорила о мире над ним, где дети бегали друг за другом не потому, что куда-то спешили или от чего-то спасались, а потому, что вместе им было весело.

Она держала его за руки и наставляла не терять сердечное тепло. Он мало что понимал в ее учениях, но всегда соглашался, слушаясь ее во всем. Однажды свет, исходящий от матери, исчез из его жизни вместе с ней.

В воспоминаниях остались лишь золото ее волос, нежные морщинки возле глаз, его отдаленно звучащее имя с позабытым голосом, и тусклое чувство защищенности.

Рядом с Мэсси он ощущал нечто подобное, но теперь не нуждался в том, чтобы на него смотрели как на испуганное дитя. Его трагедии надлежало остаться секретом лишь для него самого, а для окружающих он хотел стать тем, кто принесет чувство безопасности. Тем, к кому обратятся за помощью, и он сумеет ее дать, не колеблясь.

В этот раз путь Мэйсона лежал в горы – их подножие он уже обошел и отметил всевозможные травы. Поиск успокаивал его и в то же время раззадоривал. Найти как можно больше источников ингредиентов для зелий, узнать природу, выявить скрытые тропы – подобного простора там, где он родился, попросту не существовало. Лишь голые сухие земли, выжженные лавой, войнами и попустительством правящей руки.

Вскинув голову, Мэйсон осмотрел горы, измеряя время предстоящего пути. К полудню он пройдет половину пути, к вечеру поднимется на вершину.

«Я не сказал Мэсси, что не вернусь ночевать, — он задумчиво оглянулся через плечо, размышляя, затем решительно повернулся обратно. — Я не ребенок, а добыть для нее нужные травы намного важнее».

Кивнув самому себе и проверив закрепление сумы на штанах под рубахой, Мэйсон отправился в долгий подъем.

Глава четырнадцатая. Щит

Проводить время рядом с Вэри Барту понравилось. Он не ожидал, что общение с девочкой из другого драконьего рода может быть подобным общению с сестрой. Вэри понимала его с полуслова, как и он ее, они вместе забирались на деревья, если того требовала игра или привыкание к одракониванию – обратному переходу к истинной форме. Бартоломею восхищался ее уверенностью в себе и вовлекался в любые забавы без долгих размышлений. Вместе они исследовали уголья ее рода, находили гнезда разных птиц, цветы и грибы. Вэри много рассказывала ему о том, как не отравиться, выбирая последние по шляпкам и проверяя их ножи.

— Прыгай, — позвала она, глядя на него снизу вверх.

— Нет, — Барт встревоженно покачал головой, сжимая ветку, на которой сидел.

Вэри сузила глаза, упирая руки в боки.

— Ты так никогда не одраконишься.

— Я боюсь.

Признание сорвалось тихо и откровенно. По несчастному лицу Барта Вэри поняла, что он не шутит, и чуть смягчилась.

— Страх – это хорошо. Он поможет тебе выжить.

— Определенно поможет, потому что я не спрыгну с ветки! — парировал Барт, нахмурившись.

Вэри возвела глаза к небу, сокрытому за широкими кро-

нами деревьев.

— Ты прыгал с утеса и падал в ручей. Почему там ты не боялся этого сделать?

— Боялся.

— Но прыгал же... — она посмотрела на него с подозрением.

Барт прислонился плечом к коре, вспоминая отца. Страх опозориться перед ним всякий раз перевешивал страх глупой смерти.

— Ни один дракон не умер от неудачного падения, — настаивала Вэри.

— Мы не знаем об этом, потому что никто не отмечал в летописях, — возразил Барт.

— Ну хочешь, я тебя поймаю? — она раскинула руки, а Барт покраснел так густо, что она заметила это снизу и засмеялась. — Да-да, все должно быть наоборот, мой юный друг.

— Перестань надо мной смеяться, — рассердился Барт. Его лицо постепенно сменило цвет, отогнав смущение. Он поднялся, упираясь ладонью в кору, и сурово посмотрел на Вэри. — Я сейчас прыгну и раздавлю тебя, будешь знать!

— Боюсь-боюсь, — она показала ему язык, и Барт усмехнулся.

Волнение отпустило. Раньше он и помыслить не мог, что будет так откровенен с девочкой, ведь его учили быть стойким и мужественным, но она так расположила к себе, что он

считал ее равной себе. В его семье самки стояли в иерархии чуть ниже, чем самцы, однако Мэсси подавала иной пример.

— Верно, — Барт ухмыльнулся и с вызовом взглянул на Вэри. — Бойся!

Она приподняла бровь, бросая ему вызов, и Барт сделал то, что сделал бы на его месте любой юноша, чтобы впечатлить подругу — поступил как безумец.

В полете он осознал, что обращение не происходит. Замахал руками. В глазах мелькнул страх, он попытался собраться, глядя на стремительно приближающуюся землю.

«Ну же!» — подначил Барт себя, снова размахивая руками и ногами.

Перевернувшись в воздухе, он увидел отдаляющиеся деревья.

— Барт, обратись! — крикнула Вэри. В ее голосе скользнуло отчаяние. — Быстрее!

Он обернулся и замахал руками. Чешуя поползла по лицу и предплечьям, обжигая скоростью появления. Барт стиснул зубы. Обращение началось, однако до земли оставалось совсем немного.

Вэри кинулась в его сторону, подстегнув выброс ярости. Глаза защипало, и в них проступили змеиные зрачки.

Барт дернулся вбок, чтобы упасть на кусты и не придавить Вэри вопреки своему обещанию...

Он увидел Мэйсона, едва оторвавшего взгляд от своей карты и вскинувшего голову.

Мальчишки переглянулись: один в ужасе, другой застигнутый врасплох.

Всполохи белого и черного встретили Барта ударом в грудь. Из его рта вырвался пораженный выдох, и он отлетел, упав на землю.

На мгновение мир потускнел, а сердце перестало биться.

* * *

...

— ...такой...

— Ай... — Барт с трудом раскрыл глаза и приложил ладонь к сердцу.

Рядом зашипела Вэри. Он запомнил этот звук еще с их первой встречи, и потом безошибочно ее различил. Повернув голову, Барт коснулся запястья Вэри, стоящей рядом с ним на колене. Она взглянула через плечо и, убедившись, что Барт пришел в себя, повернулась.

— Проваливай, пока я не перегрызла тебе глотку, — пригрозила она кому-то.

— Я его знаю... — просипел Барт, пытаясь сесть.

Вэри помогла ему сделать это, протянув руку и подставив свое плечо.

— Он тебя чуть не прикончил.

— Мэйсон не желал мне зла, — Барт исподлобья взглянул на растерянного мальчишку с виноватым взглядом и уточнил, кашлянув из-за боли в груди: — Правда, Мэйсон?

Тот растерянно кивнул и неловко пожал плечами.

— Ты... как? — спросил Мэйсон и после короткой заминки добавил: — Барт?

Тот хмыкнул и кашлянул. Боль от удара с чем-то невидимым давила на грудь. Барт ощупал себя и осторожно покрутил корпус влево-вправо. Переломы не позволили бы ему сделать этого.

— Жить буду, — опершись на плечо Вэри, Барт поднялся и ухмыльнулся. — Я даже не почувствовал.

Он опустил руку и поморщился.

— Это никуда не годится, — нахмурилась Вэри. — Нам нужно тебя осмотреть. Я знаю одного лекаря, пойдем к нему.

Она подошла к Мэйсону и взглянула на него снизу. В их росте разница была небольшая, но он вдруг почувствовал себя меньше и невольно сглотнул.

— И ты пойдешь с нами. Мой друг пострадал из-за тебя.

— Вэри, мы пойдем к нему не потому, что нужно меня осмотреть, — примирительным тоном произнес Барт, подойдя к ним. — Мы пойдем к нему потому, что я хочу познакомить его со своими друзьями.

Последнее слово Барт подчеркнул, заговорщически покосившись на Мэйсона. Тот, уловив его намек, кивнул.

Глава пятнадцатая. Друзья

Они выдвинулись из леса в молчании. Барт шел посередине, прикрывая собой Мэйсона. Гнев Вэри исходил настолько сильно, а ее лицо так ярко выражало негодование, что юный дракон посчитал нужным защитить друга. Хотя, судя по тому, как резко его ударило что-то неясное, тот тоже мог быть опасным.

Так сложилось, что Барта с детства влекло все, что могло причинить вред. Быть может, он был всего лишь любопытным мальчишкой, а может, судьба играла с ним, вовлекая во все более опасные пути. Впрочем, многих других драконов жизнь наказывала, тогда как Барту пока благоволила.

— Какими еще друзьями?! — не выдержала Вэри, остановившись и недовольно топнув ногой. — Мы с тобой – друзья. А его ты почему защищаешь?

Мэйсон неловко отвел взгляд. Ему захотелось уйти, пока Барт будет отвечать на вопрос, но тот не дал ему этого сделать, коротко, но строго посмотрев в его сторону.

— В округе мало наших ровесников, — справедливо заметил Барт примирительным тоном. Подойдя к ней почти вплотную, Барт тихо добавил: — А то, что мы видели, я прошу тебя сохранить в секрете.

— Почему? — недовольно прошипела Вэри, сузив глаза.

— Потому что мы ничего не знаем о его силе, и, если ты

будешь так его дразнить, можем пораниться.

Она вскинула брови, округлив глаза, и вся злость испарилась. Барт сказал спокойно, но подметил так резонно, что в этот раз уже Вэри восхитилась им. Прежде он казался ей забавным мальчишкой-драконом, его родом она не интересовалась, поскольку хотела сохранить их дружеские отношения так долго, как это возможно; теперь же Вэри ощутила, что за шалостями и глупостями в голове Барта кроется стратегическое мышление, которое так расхваливали ее старший брат и отец. На мгновение она подумала, что Барт бы непременно им понравился, но тут же прогнала мысли. Она, как и ее друг, не хотела расставаться с детством и строить планы на аристократическое будущее. Будучи самой младшей, она могла позволить себе подобную роскошь, а окружающие члены семьи лишь благоволили ей в этом маленьком капризе.

Переглянувшись, они одновременно посмотрели на Мэйсона. Он все еще рассматривал дерево и щупал выросший на нем мох.

— А вдруг он опасен? — шепнула Вэри.

Барт насмешливо повел бровями.

— А разве мы с тобой не опасны? — он широко улыбнулся. Его клыки придавили нижнюю губу. Вэри не сдержала ответной улыбки. — Мэйсон помог мне советом, когда я в нем нуждался, — Барт посмотрел на Мэйсона. — И я хочу, чтобы он и дальше мог со мной общаться.

Подумав и помолчав, Вэри недовольно вздохнула, затем фыркнула, рассматривая Мэйсона.

— Я буду терпеть его только потому, что ты попросил, — откинув косы назад, Вэри подставила Барту плечо. — Опирайся, и пошли.

Стоило ему это сделать, как вдалеке раздался зычный мужской голос:

— Вэримэя!

Она дернулась, нахмурившись.

— Нужно спрятаться, — шепнула Барту и повела в сторону.

— Мэйсон, идем, — негромко позвал Барт, махнув рукой.

Они ушли за деревья. Вэри без слов опустилась на корточки, Барт последовал за ней. Мэйсон, непонимающе осмотревшись, тоже присел. На поляну вышел статный светловолосый молодой мужчина с тяжелым взглядом — так казалось из-за серо-голубого оттенка его глаз.

— Вэримэя, если ты снова прячешься, отец будет очень недоволен, так и знай, — крикнул незнакомец. Затем упер руки в боки, прямо как это делала она сама, и проворчал: — Да и мне уже надоело вылавливать тебя в различных кустарниках.

Барт посмотрел на подругу. Она плотно сжала губы и сидела, не двигаясь.

— Если попадешь в беду, я больше не стану придумывать нелепости перед отцом, так и знай, — тряхнув головой, стар-

ший брат Вэри ушел, и только после этого Барт услышал, как она долго и глубоко выдыхает.

— Почему ты прячешься? — поинтересовался он.

— Потому же, почему ты приходишь сюда.

Они напряженно переглянулись, понимая, что оба бегут от ответственности, которая рано или поздно их настигнет.

— Если не вернешься, говорить с отцом станет сложнее,

— сказал Барт после долгого молчания.

— С ним всегда сложно, — буркнула Вэри.

— Почему?

— Потому что... — она покосилась на Мэйсона и отмахнулась, поднимаясь и разглаживая ткань на коленях. — Неважно. Не хочу об этом говорить, — она склонилась к Барту, обняла его за талию и помогла встать. — Пошли. Надо, чтобы лекарь тебя осмотрел.

— Иди домой, — настаивал Барт. — Меня Мэйсон ответит.

— Нет уж! — Вэри злобно глянула на внезапно объявившегося друга Барта. — Доведу тебя до хижины, передам лекарю в руки, тогда и уйду.

Мэйсон молча следовал за ними, стараясь не попадаться Вэри на глаза. Ее неприязнь наводила его на мысль остановиться и затеряться в лесу, чтобы Барт о нем забыл, но чувство вины из-за утраты власти над силой не позволило поступить так низко.

Глава шестнадцатая. Прощение

Чем ближе они подходили к дому, тем сильнее у Мэйсона стягивало живот.

«Лекарь, о котором говорила Вэри...» — подумал он, и она перебила его мысли вслух:

— Зилár тебе поможет. Я его позову.

— Я и сам могу, я... — Барт попытался что-то сказать, но звонкий крик Вэри перекрыл его возражение.

Зил выглянул из окна на окрик, обвел гостей взглядом и едва заметно усмехнулся.

— Проходите, — жестом подозвал и исчез внутри дома.

Мэйсон представил, как дракон, опираясь на костыль, покидает спальню и направляется по коридору ко входной двери. Сглотнул. Ему захотелось скрыться где-нибудь в тени или встать за бельем, что сушилось под лучами солнца.

«Барт пострадал из-за меня, я должен обо всем рассказать», — Мэйсон уже решительно подступил к Барту сбоку, когда им навстречу вышел Зил.

Барт успел убрать руку с плеча Вэри и держался прямо, однако кожа на его переносице немного сморщилась. Заметив это, он свел брови и строго спросил:

— Что случилось?

— Я... — начал было Мэйсон, но Вэри снова опередила его.

— Мы играли, и Барт упал.

Мэйсон покосился на Вэри Она взглянула на него с одновременными презрением и одолжением и снова посмотрела на лекаря.

— Как высоко?

— Примерно как два этажа твоего дома.

— Покажи, где болит, — Зил перевел взгляд на Барта, и тот осторожно коснулся ладонью груди.

Мэйсон заворуженно наблюдал за действиями дракона. Тот двигался так, словно никакой костыль не ограничивал его движения; взгляд его глаз выхватывал любые перемены в лице Барта, пока пальцы касались его груди, плеч, шеи и головы.

— Ты ударил голову, — заключил Зил.

— Да. Должно быть... — задумался Барт.

— Мог ударить, все произошло очень быстро, — подержала Вэри.

— Идем в дом, — Зил выставил локоть. — Держись за меня.

Барт не стал возражать. Когда они переступили порог, Вэри окликнула старшего дракона. Тот обернулся.

— Мне пора. Я оставляю его тебе. Ты же о нем позаботишься? — Она широко улыбнулась, храбрясь.

— Позабочусь. Ты все сделала правильно, — ответил Зил.

Мэйсон услышал, как Вэри тихо выдохнула. Кивнув дракону, она повернулась к лесу и посмотрела уже на него. Он

выдержал ее прямой цепкий взгляд.

— Ты мне не нравишься. Будет лучше, если мы больше никогда не увидимся, — заявила она.

— Лучше для кого? — отозвался Мэйсон.

— Для всех.

— Барт сказал, что мы друзья, — не согласился Мэйсон.

Вэри ухмыльнулась так, словно что-то знала, и ему не понравилось, как она сузила глаза. Высокомерно, горделиво, будто выше него, значимее. Многие и раньше смотрели на него так же, но заносчивые девчонки — никогда. Возможно, потому, что их попросту не было в его окружении, но все же...

— Ты едва не убил его, — очень тихо, но грозно ответила Вэри. — Если мы пересечемся еще раз, я тебя не пощажу.

Она отвернулась и пошла в сторону леса. Мэйсон проводил ее взглядом и еще долго стоял под солнцем.

Из открытого окна в кухне до него долетали обрывки фраз, которыми обменивались Зил и Барт. Голову начало нещадно жечь, однако Мэйсон лишь развернулся и ушел к месту, где они все омывались. Сел рядом с пустующей бочкой и достал карту.

Нужных трав он так и не нашел, зато навредил Барту. На мгновение его охватило такое отчаяние, что он схватил кусок ткани и потянул, едва не разорвав. Но мысли о словах Мэсси, что не предназначались для его слуха, все же вернули ему рассудительность.

«Нужно признаться Зилу, — подумал Мэйсон, собираясь подняться, но ноги не слушались, а живот скрутило еще больше. — Я ничего не делал намеренно. Я просто не ожидал! Я...» — он тяжело вздохнул и приложил ладони к глазам, пытаясь сосредоточиться.

— *Жалкое отродье*, — голос отца из воспоминаний ударил, словно кнут. — *Иди пожалуйся мамочке, как не смог сделать то, что все дети делают, не задумываясь.*

Мэйсон раздраженно фыркнул и сжал кулак. Он провел достаточно времени, чтобы жестокие слова и действия больше не будили в нем страх. Теперь они будили лишь злобу и желание сопротивляться предубеждениям.

Поднявшись, он убрал карту и пошел в дом, решительно настроенный рассказать обо всем правду.

— Зил, Барт... — начал он, переступив порог кухни, но тут же замолчал, увидев рядом хмурую Мэсси.

— Огромный синяк! — заявила она, и ее голос подскочил так, что у Мэйсона невольно зазвенело в ушах. — Чем ты думал, Огонёк?

— Ну... ничем? — Барт виновато, но широко заулыбался, на что Мэсси недовольно зарычала сквозь стиснутые зубы.

— Как это произошло?

— Упал с дерева, — спокойно ответил Зил.

— Мэсси, это даже не больно. Я скоро выздоровею! — уверял ее Барт.

— Я так зла на тебя! Сейчас приведу сюда отца, чтобы он

тебя воспитал, — фыркнула она.

— Он сделает еще хуже, — возразил Барт с насмешкой, а потом поморщился и коснулся груди. — Ты ведь моя сестра, ты должна меня защищать!

— Такого глупого брата защищать не очень-то хочется.

Они бранились, но их слова звучали с шутками и нежностью. Зил обрабатывал ушиб и осматривал Барта, а Мэйсон наблюдал за происходящим из коридора, прижимаясь спиной к стене дома.

«Барт ее младший брат... — он горько усмехнулся, осознавая, как долго был слеп и не замечал очевидного сходства. — Я приношу лишь страдания, — он покосился в сторону коридора. — Нужно найти травы, оставить их и уйти из этого дома».

Мэйсон взглянул на Мэсси. Он мог бы жить здесь и вечность любоваться ею, слушая голос и наслаждаясь ее красотой, но... она принадлежала своей семье. Она выбрала равного себе. У нее был свой мир, в который он, изгой, не входил, и чем больше он проводил времени рядом с ней и ее близкими, тем меньше хотел расставаться.

Вернее, Мэйсон не хотел этого. Пожалуй, второй раз в жизни он чему-то так яростно сопротивлялся. Мысль хваталась за мысль: «еще немного», «еще несколько минут», «еще несколько часов», «немного дней», «неделя»...

Мэйсон беззвучно выдохнул и оттолкнулся от стены. Он должен был поступить как взрослый, а не как капризный

юнец, впервые испытывавший теплые чувства к иной женской фигуре в своей судьбе, кроме материнской.

— Мэйсон, — он обернулся на пороге дома. Мэсси стояла на углу, опираясь ладонью на стену. — Скоро начнется дождь. Останься.

Его сердце обволокло теплом. Всего одно слово растопило в нем живые чувства.

— Я сделал это, — произнес он шепотом. Вдалеке за его спиной полыхнула молния. Налетевший ветер растрепал светлые волосы, а из глаза потекла слеза. — Барт... пострадал из-за меня.

Мэсси приподняла бровь, пристально глядя на него. Подоспевший гром ударил так, что взлетели потревоженные птицы, а землю и дом словно тряхнуло.

— Ты все еще хочешь, чтобы я остался? — Мэйсон сморгнул другую слезу, не сводя с Мэсси несчастного взгляда.

Она подошла к нему — так буря надвигается на хлипкую хижину. Посмотрела сверху. Мэйсон перестал дышать.

Мэсси взяла его за локоть и потянула к себе. Затем закрыла дверь и повернулась.

— Гроза надвигается. Ты останешься здесь, — заявила она. — И расскажешь мне, что произошло на самом деле, — она головой указала направление. — Идем в твою комнату.

* * *

Пока они шли в абсолютной тишине, хотя снаружи завывал ветер, Мэйсон успел вытереть глаза. Он смотрел на свои

ноги и стыдился того, что Мэсси увидела его таким уязвимым. Уже второй раз он плакал в этом доме, когда в своем не делал этого почти никогда.

Мэсси открыла перед ним дверь и пропустила вперед, затем зашла следом и закрыла ее. Он сел на кровать, а она опустилась на сундук у изножья, сидя к нему полубоком.

— Не тяни, иначе я разозлюсь, — предупредила она строго, но сдержанно.

— Я... я шел по лесу, искал там травы, а потом поднял голову, и Барт, он... он летел сверху, — сбивчиво заговорил Мэйсон, не на шутку разволновавшись от проницательного взгляда Мэсси. Он не мог отвести глаз, поэтому продолжал говорить, словно был на исповеди: — Я испугался, а Барт, он... он дернулся в сторону. А потом я и он... мы...

— Замолчи, — Мэсси выставила ладонь, и он закрыл рот. — Ты сейчас задохнешься. Ты никуда не бежишь. Отдышись.

Последним словом она отдала приказ, и Мэйсон стал его исполнять. Когда дыхание выровнялось, а сердце перестало биться на разрыв, он сглотнул и медленно сказал:

— У меня есть сила. Она защитила меня.

— Она ударила Барта?

Мэйсон кивнул.

— Ты ею не владеешь?

Мэйсон замялся с ответом и неловко пожал плечами.

— Кто ты?

Мэсси смотрела ему в душу, а он не знал, что ей ответить, потому что и сам задавался этим вопросом. Кто он? Ответ приходил быстро, но не тот, коего она ждала, — никто.

— Ты не знаешь? — уточнила Мэсси, и он кивнул, через миг испугавшись неосознанной лжи.

Она скрестила руки на груди и закинула ногу на ногу. Ее брови нахмурились. Мэйсон занервничал, начав постоянно сглатывать, отчего желудок стало сводить голодной судорогой.

— Теперь ты съешь меня? — опасно спросил он, замерев, когда Мэсси перевела взгляд на него.

— Я уже говорила, что ты мне на зубок, — заметила она, но в этот раз без усмешки. — Я подозревала, что ты — непростой мальчик, Мэйсон.

Он напрягся, чувствуя, будто она обнажила все его мысли, которые он так тщательно пытался скрыть даже от самого себя. Замер в ожидании приговора.

— Будешь учиться подчинять свою силу, — за окном потемнело, и глаза Мэсси словно вспыхнули оранжевым пламенем. — И оберегать моего брата.

— Что?.. — Мэйсон растерянно моргнул, когда выражение лица Мэсси сменилось благосклонной полуулыбкой.

— Так случилось, потому что ты защищался от резкого движения. Значит, если Барту что-то будет угрожать, ты сможешь защитить вас обоих.

Мэйсон снова растерянно моргнул, не понимая, почему

Мэсси не гонит его прочь прямо под дождь.

— Так ты снимешь с себя вину за случайный удар.

— Ты... — от удивления Мэйсон запнулся. — ...прощаешь меня?

— Только если ты дашь обещание, что будешь учиться владеть силой и защитишь моего брата, — она протянула ему руку. Мэйсон посмотрел на пальцы с кольцом.

Если он коснется ее, что произойдет? Сможет ли вынести краткое тепло кожи Мэсси на своей?

«Дурацкие мысли, как вы не вовремя!» — рассердился он на самого себя, пожал Мэсси руку, но унять влюбленный трепет все равно не сумел.

— Обещаю, — негромко сказал он.

— Тогда я прощаю тебя, — ответила Мэсси.

Тепло этого прикосновения Мэйсон ощущал до самого утра, так и не выйдя из комнаты ни на ужин, ни на завтрак.

Глава семнадцатая. Рыцарь

Мэйсон старался не попадаться на глаза Мэсси, Зилу и Барту. Последний остался ночевать в доме сестры, и ему постелили в спальне супругов. Мэйсон осознал, что занимал комнату, предназначенную для будущего ребенка, а между визитами здесь иногда ночевал и сам Барт.

Иногда Мэйсон касался ладони и водил по ней пальцем, будоража чувство, которое ощутил, когда пожимал руку Мэсси. Он дал ей обещание, а она простила его. Большого ему не требовалось.

Ранним утром Мэйсон взял карту и пошел к выходу из дома. Он покосился на дверь в трапезную и не решился туда заглянуть. Однако стоило ему выйти за порог и пройти к калитке, как он услышал голос Зила позади:

— Мэйсон.

Он не звал его и не обязывал обернуться, но Мэйсон почувствовал, что игнорировать дракона нельзя.

— Что? — он повернулся к нему и обнаружил Зила, сидящим на бревне. Костыль лежал рядом, а сам дракон вытянул ноги и любовался рассветным небом.

— Куда ты уходишь?

— В лес.

— Подойди.

И снова приказ, однако ему не хотелось сопротивляться.

Мэйсон остановился рядом и посмотрел дракону в глаза. Тот перевел взгляд с неба на него.

— Садись.

Мэйсон невольно усмехнулся и опустился рядом.

— Ты слушаешься меня беспрекословно, ты знаешь? — заметил Зил.

— Да.

— Почему?

— Потому что ты здесь власть.

— И Мэсси.

— И Мэсси.

— Но Барта ты слушать не будешь.

Мэйсон задумался. Он уже пошел с ним в этот дом и открыл для себя болезненную правду.

— Не знаю.

— Почему для тебя важна власть, Мэйсон?

— Не важна.

— Ты говоришь правду?

Мэйсон еле слышно вздохнул, и Зил ощутил тонкую перемену в настроении мальчишки. Тот нес куда больше, чем мог вынести, но не собирался в этом признаваться.

— Знаешь, что я делаю, когда мне нужно прийти к умозаключению? — спросил Зил.

— Что?

Он взглянул на небо и ответил:

— Перевожу что-то важное для меня в цифры. Ты знаешь,

что это такое, Мэйсон?

Тот кивнул, погруженный в размышления, и лишь потом едва заметно прикусил губу. Зил ловко заставлял его признаваться в том, что он пытался утаить. Это и нравилось, и не нравилось Мэйсону. С одной стороны, он мог быть собой, а с другой, к нему под кожу подбирались все ближе, и он не мог предугадать, чем обернется подобное открытие для других.

— Мы с Мэсси знакомы уже шесть тысяч двести пять дней.

Мэйсон подпер голову ладонью, упершись локтем в колено, и посмотрел вдаль.

«А мы с ней знакомы всего лишь несколько недель», — грустно подумал он.

— Сорок три тысячи восемьсот часов она зовет меня мужем, а я ее — женой.

«Ее не должно быть в моем сердце вовсе».

— Ради нее я пожертвую жизнью, не только ногой.

Мэйсон моргнул, переключившись на ногу, по которой Зил легонько себя хлопнул.

— А что?.. Случилось? — поинтересовался Мэйсон, указав взглядом на ногу.

— Драконы знатных родов делили территории. От войны их мог спасти только брачный союз.

Мэйсон чуть сузил глаза, начиная догадываться о том, что последует дальше.

— Мы с Мэсси вместе выросли, — взгляд Зила стал бо-

лее собранным, но все еще устремлялся в небо. — Я был ее рыцарем, ее же ждала иная судьба.

— Я слышал, что драконы все происходят из знатных родов, — осторожно сказал Мэйсон. — Почему ты был рыцарем?

— Мой род давно утратил всякое уважение, — Зил усмехнулся, повернув голову к Мэйсону и коснувшись длинных черных волос. Он отпустил их, и они плавно опали обратно. — Черная чешуя стала считаться прокаженной. В почете шло золото, затем медь. Некогда в моем роду были Изумрудные Драконы, но от них осталась лишь память. Всему виной редкая наследственная лихорадка.

Зил ненадолго замолчал, погружаясь в раздумья. Мэйсон ощутил себя посвященным в нечто глубоко интимное и тоже затаился, ожидая услышать продолжение.

— Я бросил вызов принцу из рода Золотых Драконов. Эта дуэль должна была завершиться смертью одного из нас, — Зил посмотрел вдаль на горизонт. — Он оказался достаточно благороден, чтобы ранить мне лишь ногу. Я оказался достаточно уперт, чтобы ему не уступить. По правилам дуэли я проиграл, — Зил посмотрел Мэйсону в глаза и тепло улыбнулся. — А по правилам сердца выиграл.

— Как это? — не понял Мэйсон.

— Принцесса предпочла рыцаря, когда могла оставить его проживать бессмертие искалеченным и в одиночестве.

Мэйсон озадаченно вскинул брови. В его картине мира

подобного попросту не могло произойти. Во-первых, женщины никогда не выбирали, а во-вторых, их почти не было в его окружении. Здесь же Мэсси, принцесса драконов, выбрала искалеченного рыцаря вопреки возможному и сильному отцу своих детей.

«Может, поэтому у них и не получается зачать дитя? — невольно подумал Мэйсон. — Род Черных Драконов слаб на семя».

— Как же ей это позволили? — поинтересовался Мэйсон. Зил усмехнулся.

— Моя супруга никогда и ни у кого не спрашивала разрешения. Она всегда брала то, что хотела. И получала то, что хотела. Она удивительная.

Мэйсон кивнул, соглашаясь, и на миг представил себя на месте Зила, только там, откуда сбежал. Вот он, взрослый, статный и, наверное, красивый, ведь и его мама, и его отец славились ангельским обликом. И вот Мэсси, глядящая на него так же, как на Зила.

«Это не мои мечты, — подумал Мэйсон и поднялся. — Мне не стоит мечтать о ней».

— Я пойду, — он торопливо зашагал к калитке.

— Возьми с собой еду.

— Я не голоден, — бросил Мэйсон, с трудом не переходя на бег.

«Мне стоит найти для нее травы, сварить зелье и уйти, как только станет известно о зачатии».

Глава восемнадцатая. Другой утес

В этот раз Мэйсон поднялся дальше. Ни Вэри, ни Барт ему не мешали, и вскоре он оказался у крупной пещеры. Отметив ее на карте, он с легким воодушевлением потер руки и двинулся внутрь. Глаза быстро привыкли к легкому затемнению. Местами сверху пробивался свет, поэтому ему не понадобился факел.

«Если сюда никто не приходил до меня, возможно, я найду те самые цветки», — обрадовался Мэйсон.

Он уже исследовал достаточно мест с растениями и сделал вывод, что они совпадают с теми, что растут в привычном для него мире. Учитель алхимии передал ему достаточно знаний, чтобы он не путал известные растения с неизвестными. Однако на Небесах, оказавшись свободным, Мэйсон не спешил пробовать любые корни и ростки на вкус. Он пережил достаточно отравлений за то бесконечно долгое время, что ему в голову закладывали основы алхимии. Ни одно из них не было хоть сколько-нибудь вредным для него, но каждое являлось изматывающим. После череды таких проб он и начал отказываться от любой еды, даже той, что когда-то любил.

Мэйсон отмечал на карте ходы и растения, которые встречал, обозначил небольшой источник воды и сделал вывод, что здесь даже можно жить, если обладать инструментами.

Он потратил несколько дней на то, чтобы все обследовать, а также на то, чтобы тренировать свою силу, как и обещал Мэсси. Отложив все вещи на пол, он встал рядом с источником воды и вытянул руку – так было легче направлять силу. Понемногу ее опутали черно-белые всполохи, похожие на призрачные сгустки. Они перетекли на воду и образовали вокруг ее части круг, захватив влагу внутри. Мэйсон повел бровью, и пальцы разжались сами собой. Сила исчезла, вода упала обратно в источник.

Мэйсон судорожно выдохнул и наклонился, упершись ладонями в колени. Длительное сосредоточение отнимало слишком много сил, а сам он обходился лишь небольшими кусочками пищи со стола, где ему подавали полноценную порцию.

— Так ты меня нарочно ударил?

Мэйсон вздрогнул от голоса Барта, раздавшегося со спины и усиленного эхом. Он выпрямился и обернулся. Барт стоял в тени, скрестив руки на груди, и наблюдал за ним. Его глаза светились так же, как у Мэсси.

— Нет, — быстро ответил Мэйсон и стал собирать вещи.

— Врешь, — Барт сузил глаза.

— Зачем мне врать?

— А что ты тогда на карте все время отмечаешь? Я уже не первый раз это вижу, — Барт подошел ближе и дерзко взглянул Мэйсону в глаза. Он был немного ниже, но совершенно не боялся, и в подобные моменты сильно напоминал сестру.

Мэйсон попытался убрать карту, но Барт ловкоее перехватил.

— Отдай! — требование Мэйсона прозвучало жалобно, и он, прочистив горло, повторил уже жестче: — Отдай.

Барт, присвистывая, уже всю вертел карту, бесцеремонно рассматривая записи.

— Ну, писать ты умеешь, — начал он, окидывая Мэйсона взглядом и не позволяя тому забрать карту. — Обувь носил не крестьянскую в нашу первую встречу. Ведешь себя странно.

Барт хлопнул картой Мэйсону в грудь, прижимая ладонь, и спросил:

— Кто ты, Мэйсон не из рода драконов?

Нахмурившись, Мэйсон забрал у него карту, спешно свернул ее и убрал в карман штанов.

— Просто Мэйсон.

— Я такой силы, как у тебя, ни у кого не видел. Кто ты? — настаивал Барт.

— Я не хочу об этом говорить.

Мэйсон попытался уйти, но Барт поймал его за запястье.

— Ты жил в доме Зила и Мэсси некоторое время. Зил спас тебя от голодной смерти. Ты всегда оказывался рядом, когда я мог расшибиться. Знаешь, что это значит? — Барт пытливо уставился на него, не моргая. Его зрачки все еще были обычными.

— Что? — Недовольно буркнул Мэйсон, вспоминая на-

доедливого младшего брата, в детстве цеплявшегося за него точно так же.

— Ты... — Барт замолчал, нарочно нервируя его, а потом сказал, растягивая слова: — Разумный бес!

— Чего-о?! — оскорбился Мэйсон и тут же отмахнулся.
— Я — демон, а не бес.

— Ха-ха, — Барт засмеялся так открыто и широко, что Мэйсон тут же осознал, что угодил в его ловушку. — Это было слишком легко.

Мэйсон моргнул, смерив его взглядом, и попытался обойти, но Барт перегородил ему дорогу.

— Что ты от меня хочешь? — маленький рыжий дракон начинал выводить его из себя, и Мэйсон, тревожась, злился, пытаясь защититься от новых разоблачений и нападок.

— Хочу, чтобы ты снова использовал свою силу, пока я буду падать.

Мэйсон удивленно хлопнул ресницами.

— Что?..

— Мне нужно пережить одраконивание, — осознав, что Мэйсон не понимает, Барт пояснил: — Без опасности я не смогу превратиться в дракона как подобает.

— А вдруг ты разобьешься по-настоящему? — Мэйсон нахмурился. — Я не стану этого делать.

— А у тебя не будет выбора.

— Почему ты так уверен?

Барт подошел к нему почти вплотную и с серьезным ви-

дом произнес:

— Ты живешь в доме моей сестры, — затем резко и широко улыбнулся, царапая клыками свою нижнюю губу, и добавил: — Я пожалею ей, что ты отказываешься со мной дружить.

Мэйсон испытал искреннее изумление, страх и стыд. Чувства овладели им, проступив на щеках красным. Он помнил, как Мэсси общалась с младшим братом, и сразу же поверил ему: сомнений точно не могло быть. К тому же он дал ей обещание, что защитит Барта. И если все ведет к тому, что они будут проводить больше времени вместе, ему придется тренировать силу одновременно с ним.

— Боишься Мэсси? — спросил Барт и легонько пихнул Мэйсона ладонью в плечо. — Правильно, бойся.

Мэйсон смерил его непривычно холодным взглядом, от которого Барту на мгновение сделалось не по себе.

— Значит, ты нашел другой утес? — уточнил тот, и Барт решил, что то, что он увидел, ему лишь показалось.

— Да. Нашел.

Глава девятнадцатая. Сделка

Так они стали проводить больше времени бок о бок: Бартоломью наблюдал за тренировками Мэйсона, а тот – за подготовками Барта.

— Ты не ешь, — заметил Барт, держа в руках лепешку и отламывая ее по куску. — Почему?

— Не хочу, — Мэйсона мучила жажда. Всякий раз после использования силы он потел, а перед глазами проступала чернота, с которой он едва не лишался сознания.

— Врешь, — отозвался Барт. Мэйсон оглянулся на него через плечо. — Иди сюда.

— Ешь сам.

— Мэсси волнуется.

Мэйсон уже собирался снова призвать силу, но одно имя, как и всегда, заставило его передумать. Он недовольно нахмурился, сел рядом с Бартом и покосился на него, затем протянул руку. Барт вложил в нее кусочек лепешки. Маленький щипок. Кто угодно справедливо возмущился бы, что этого мало, но Мэйсона наоборот тронуло такое внимание к его недугу.

— Почему она волнуется? — словно невзначай спросил он, скатывая щипок лепешки в шарик, а затем отправил его в рот. Мучная мякоть приятно легла на язык. Мэйсон не спешил разгрызать ее, лишь гонял от щеки к щеке, не решаясь

проглотить.

— Да так, — Барт хитро взглянул на Мэйсона. — Сказала как-то, что хочет научиться готовить. Ради будущего ребенка. А тут ты подвернулся. Вот и оттачивает навыки. Да только зря.

Мэйсон поджал губы, вспоминая, что настоящая его цель — приготовить для Мэсси зелье и уйти, а не проводить время в компании ее надоедливой младшего брата.

— Расстраивается, что ты ничего не ешь. Думает, что невкусно готовит.

Мэйсон похолодел. Мякоть от лепешки во рту размякла, и теперь от ее вкуса его и тошнило, и одновременно с этим хотелось съесть больше.

— Мэсси прекрасно готовит, — пробормотал Мэйсон, заставив себя проглотить щипок.

— Да, — Барт протянул ему еще одну часть лепешки, теперь немного больше. — Поэтому я и говорю, что тебе надо есть.

— А если еда делает мне хуже? — Мэйсон снова принялся скатывать шарик, не глядя на Барта. — Что бы ты сделал на моем месте?

— Хм-м... — Барт дожевывал свою половину лепешки, взял руку Мэйсона и вложил в нее другую. — Я бы поспал, — усмехнувшись, Барт лег на спину и закинул руки под голову. — А потом пошел бы бегать с Вэри по лесу.

— Она тебе нравится? — Мэйсон положил шарик в рот.

— Да.

— Как девочка?

— Да.

— Женишься на ней?

— Фу! Нет, — фыркнув, Барт засмеялся и посмотрел на Мэйсона, будто тот сказал что-то глупое.

— Почему? — спросил тот, серьезно глядя на него.

— Она моя подруга.

— Это как-то мешает?

Барт моргнул и задумался, отведя взгляд в сторону.

— Мешает.

— Почему?

— Она — моя подруга.

— Она — девушка, — мягко намекнул Мэйсон.

— Я хочу, чтобы мы с ней навсегда остались друзьями,
— серьезно поделился Барт. — Она такая веселая, бойкая и умная.

— Однажды вы вырастете, и она выйдет замуж.

Барт нахмурился и покосился на Мэйсона.

— Ты мне настроение испортил, — он резко приподнялся на локтях, собираясь сесть, а потом хитро ухмыльнулся.

— Что? — Напрягся Мэйсон.

— Ты мне должен.

— Что я должен?

— За то, что ни я, ни Вэри не выдали тебя Мэсси и Зилу.
Я про твою силу.

— И что ты хочешь? — Мэйсон сузил глаза, понимая, что из этой ловушки вряд ли выпутается, не узнав условий.

— Я за тобой наблюдал. У тебя прямая осанка, ты хорошо говоришь, хоть и мало, и красивый.

Мэйсон озадаченно приподнял бровь.

— Мне нужно, чтобы ты подменил меня в одном деле, — лицо Барта стало еще хитрее.

— В каком? — Мэйсон же спрашивал уже обреченно, понимая, что шалости младшего брата Мэсси приведут его туда, куда он явно не пойдет по своей воле.

— Суший пустяк для тебя, я уверен, — Барт широко и обаятельно улыбнулся, и Мэйсон вздохнул. — Сходи в одно место и проведи там немного времени. Под моим именем.

— Мы даже не похожи. Как я могу это сделать?

— Никому не будет дела, это лишь знакомство. Тебя ни к чему не обяжут.

— Тогда сходи сам.

— Мне еще рано думать об этом, но и встречу отменить нельзя, — Барт положил руку на плечо Мэйсону. — Просто сходи и прояви интерес к одной из принцесс, хорошо? Я тебе потом отплачу.

Мэйсон задумчиво пожевал нижнюю губу. Когда предлагали сделку, отказываться было глупо. Кто знает, к чему их приведет жизнь и когда понадобится помощь в ответ? Иных союзников, кроме сестры Барта и ее мужа, на Небесах у Мэйсона не было.

Он протянул руку первым. Барт сжал его ладонь.

— Что, если ты не сможешь мне отплатить? — серьезно уточнил Мэйсон, глядя ему в глаза.

— Ну, тогда я буду подчиняться тебе по первому требованию, — пошутил Барт, и они пожали руки.

Глава двадцатая. Принцессы

«Я буду гореть в огне вечность», — подумал Мэйсон, глядя на свое отражение в ручье пещеры.

Он пригладил руками волосы и поправил одежду, которая местами поджимала, но все же сидела на нем хорошо и подчеркивала статность.

— Тебе эти цвета идут больше, чем мне, — с легким смешком возмутился Барт, рассматривая Мэйсона. — Наверное, это из-за цвета волос и глаз. Ты не сливаешься с оранжевым и красным, они тебя дополняют.

— Мне неловко, — Мэйсон оправил ткань на груди и провел к животу, ощущая холод металлической бляшки ремня.

— Ты справишься, — без сомнений заявил Барт. — Ты им понравишься. Я уверен.

«Даже я в себе не уверен», — горько подумал Мэйсон.

— Что мне нужно говорить? Как себя вести? — он заходил из стороны в сторону, нервно перебирая пальцами одной руки в другой. — Меня же разоблачат.

— Первым делом тебя спросят, из какого ты рода... — подвел Барт.

— Из рода Красных Драконов.

— Верно. Потом могут поинтересоваться, почему у тебя золотые волосы.

— Потому что?.. — Мэйсон остановился и посмотрел на

Барта.

— У нас в роду далекие предки были из Золотых Драконов, так что это дар предков.

— Дар предков... — пробормотал Мэйсон и снова стал ходить из стороны в сторону по пещере.

— И про глаза непременно спросят.

— Почему голубые?

— Почему зрачки как у низкорожденного.

— И почему? — заволновался Мэйсон, осознав, что забыл вообще все, что рассказывал ему Барт.

— Потому что у тебя, то есть у меня, — Барт указал ладонью сначала на него, потом на себя и продолжил: — раздракони́вание.

— Раздра... — Мэйсон остановился, пытаясь выговорить слово, и стал дышать, чтобы успокоиться. Он прикрыл глаза всего на миг, за который вспомнил лицо Мэсси и ее внимательный взгляд, направленный на него, и ему сразу же стало легче. — Раздракони́вание, — завершил он по слогам, но достаточно быстро.

— Даже не заикнулся. Говорю же, ты справишься.

— А принцессы? Как их отличить? Что сказать? Имена? Возраст? — перечисляя необходимые сведения, Мэйсон стал загибать пальцы. В месте, где он вырос, приходилось запоминать гораздо больше за еще меньшее количество времени, но он уже успел отвыкнуть от этого, и сейчас пребывал в небольшом хаосе мыслей.

— Я знаю, что самой младшей двенадцать, средней восемнадцать, а старшей девятнадцать. Про старшую известно, что ее зовут Элимис, и что она великолепно владеет ораторским искусством. Про двух других я не знаю, поскольку они не сопровождают своего отца в поездках. Старшую дочь активно готовят к правлению, хотя у них еще есть сын. Не знаю, почему на престол не сажают его, — Барт пожал плечами.

— Иными словами, — Мэйсон недовольно кашлянул, — ты хочешь, чтобы я отправился в логово драконьего рода, представился тобой, обманул их бесценных дочерей, а после вернулся сюда живым?

Барт широко улыбнулся, проведя клыками по своей нижней губе.

— Именно так.

«Зачем я на это согласился? — не успел Мэйсон пожаловаться себе в мыслях, ответ пришел следом: — Я пообещал Мэсси защищать Барта».

И нарушить подобное обещание он не мог.

— Что, если они все поймут?

— Тогда и будем думать.

— Они меня убьют за обман.

— Не убьют. А вот меня отец лишний раз покалечит, но я переживу, — Барт содрогнулся в плечах, вспоминая боль от отцовского урока, и тряхнул головой.

— Почему ты трусишь? — Мэйсон поймал его взгляд и задал самый важный вопрос для них обоих.

— Потому что... — Барт помолчал. — Потому что я хочу сделать это, когда буду хоть немного готов.

Мэйсон чуть нахмурился, улавливая в ответе Барта то, что и ему самому было хорошо знакомо.

— Я не откажусь от своих слов. Я приду туда и принесу извинения, объясню свой проступок и предложу одной из принцесс заключить со мной брак. Просто... — взгляд Барта заметно погрузнел. — Мне кажется, что я ничего не значу для семьи.

Мэйсон замер, пораженный подобным признанием. Он видел, что у Барта есть семья, видел, как Мэсси заботится о нем и как общается с ним Зил.

— Ты глуп, — отрезал Мэйсон неожиданно резко. — Если бы ты ничего не значил для семьи, тебя бы давно женили, а твоя сестра не относилась бы к тебе с подобным трепетом.

Сердито выдохнув и холодно взглянув на Барта, Мэйсон направился прочь.

— Когда покинешь пещеру, от дорожки внизу сверни налево, — крикнул ему в спину юный дракон.

Мэйсон вскинул руку и раздраженно перебрал пальцами воздух.

* * *

«Ничего не значит для семьи... Поверить не могу!» — все еще недовольный, Мэйсон шел под палящим солнцем, не чувствуя жара, хотя внутри закипал сам.

Когда он вышел из леса и оказался на дорожке, ведущей к

замку, его пыл поубавился, и вместо негоросло волнение.

«Драконы – мудрые существа. Они наверняка раскроют обман», — Мэйсон едва не начал грызть нижнюю губу от переживаний, но сумел взять себя в руки и лишний раз распрямил плечи.

Между лопаток он сразу же ощутил удар, будто тот произошел не много лет назад, а сейчас, и голос из воспоминаний шепнул в голове:

«Сутулятся бесы. Ты же должен стать тем, кем я смогу гордиться».

Чем ближе он подходил к воротам, тем сильнее стягивало живот. Массивные двери раскрывались перед ним медленно и неохотно, однако пружины скрипели тихо. Похоже, за ними ухаживали и смазывали.

Едва Мэйсон переступил порог, как услышал сильный женский голос:

— Остановись.

Он послушался и поднял голову. Девушка в строгом корсетном голубом платье, расшитом золотыми нитями, с воротом, прикрывающим шею, смотрела на него как подобает дракону. Ее светлые, почти белые, волосы лежали уложенным пучком с аккуратно выпущенными спереди прядями. Уши украшали небольшие золотые серьги, подчеркивающие статус, а их кончики прикрывались волосами.

— Назови себя, — потребовала Элимис. Мэйсон понял это по юным чертам лица и описанию, которое дал Барт.

— Я – Бартоломью из рода Красных Драконов, — представился он и поклонился в реверансе.

Принцесса ответила ему легким поклоном.

— Мы ждали тебя.

«Ждали?» — растерялся Мэйсон.

— Направляйся направо к саду с фонтаном. Мы с сестрами скоро прибудем, Бартоломью из рода Красных Драконов, — сказала Элимис и исчезла за дверьми замка.

Мэйсон тихо выдохнул, испытал облегчение, и свернул по тропинке рядом со стеной замка.

«Она меня не съела. Наверное, это успех», — неловко приободрил он себя.

Стоило ему пройти через арку и остановиться, как кто-то по ту сторону фонтана сделал то же самое. Они переглянулись: он с неловкостью, она – с неприкрытой радостью, придерживая светлый локон. Ее платье было легче и свободнее, чем у старшей сестры, на шее висел кулон в виде драконьего сердца. Длинные густые волосы, местами собранные в косички, слегка вились, обрамляя ее плечи и талию, а два заостренных уха придавали ей еще более изящный вид.

— Кто ты? — полюбопытствовала она с приветственным реверансом. Мэйсон не уступил ей в проворстве, и они выпрямились одновременно.

— Бартоломью... — начал было Мэйсон, но она воодушевленно перебила его:

— Из рода Красных Драконов?! Я о тебе слышала.

«О нет», — испугался Мэйсон, однако в лице не переменялся.

— И что же ты слышала?

— Совсем не то, что есть на самом деле.

«Все пропало», — Мэйсон плотно сжал губы.

Принцесса подошла к нему ближе и посмотрела в глаза. Ее драконьи зрачки расширились.

— Меня зовут Ливина, но ты можешь звать меня Ливи, — она широко улыбнулась, продемонстрировав аккуратные клыки, которыми даже сейчас без труда могла бы наказать его за ложь.

Мэйсон сглотнул. Ливина же взяла его под руку, и он тут же согнул ее в локте, чтобы ей было удобнее. Муштра, не раз проводимая отцом, сработала в один миг.

— Я покажу тебе наш замок, — принцесса повела его дальше.

Когда тень очередной арки накрыла его, он ощутил себя маленьким растерянным ребенком, который не знает, таится ли опасность за новым углом, но и выяснять этого не желает.

— Элимис просила подождать всех принцесс у фонтана, — опомнился он и оглянулся.

— У нас множество фонтанов, и она имела в виду другой, — улыбнувшись, Ливина изящным жестом показала на ожидающий их стол, уставленный всевозможными яствами.

Мэйсон ощутил, как резко похолодело все тело.

«И как я не подумал? Это ведь как переговоры, а я пришел

в качестве гостя», — от отчаяния сердце забилося где-то в горле.

Ему стало трудно дышать, и он торопливо осмотрелся, ища способ сбежать, но руки принцессы мягко и в то же время крепко держали его под локоть.

— Вэри! — Ливина заулыбалась и махнула рукой.

Мэйсон перевел взгляд туда, куда она смотрела, и они с Вэримэей замерли, одновременно застигнутые врасплох. Он никак не ожидал увидеть ее здесь и в платье.

— Знакомься, это — Бартоломью из рода Красных Драконов, — произнесла Ливина.

Вэри посмотрела ему в глаза, и Мэйсон почувствовал: сейчас его ложь раскроют.

Ча

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.